

20093

А. КАЗАРИНОВ

46.

ВОКРУГ СВЕТА

**ЗА
ПОЛТИННИК**

5/VII
115

ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ

П О Б Е Л У С В Е Т У.

285

А. КАЗАРИНОВ

ВОКРУГ СВЕТА ЗА ПОЛТИННИК

ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ,
АМЕРИКЕ И ЯПОНИИ
ПО ВЫИГРЫШНОМУ
БИЛЕТУ
ОСОАВИАХИМА
ЗА ПОЛТИН-
НИК

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. А. РАВИЧА

„ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ“
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр</i>
От издательства	3
Вместо предисловия	5
Германия.	8
Общее впечатление. Чистота на улицах. Вокзал воздушного флота. Визы. Полиция. Курорты. Кайзер. Цены. Эмигранты. Жизнь. „На чай“. Проституция. Немецкий обыватель. Взятничество. „Императорская республика“.	
Франция.	32
Следы войны. В Париже. Апаши. Обыватель. Улица. Реклама. Цены. Эмигранты. Театры. Газеты. Мещанство.	
Через Океан	44
Океанский пароход. В первом классе. Третий класс. Акулы. Шторм.	
Америка	49
Остров Слез. Небоскребы. Уличное движение. Сухой закон. „Время—деньги“. Уменьше делать дела. Самоубийцы. Реклама. Споры. Газеты. Клуб банкиров. Сейф Моргана. Железная дорога через озеро. Состязание аэропланов. О цветных людях. Снова на пароходе.	
Япония	80
Городские улицы. Рикши. Шпион. Две культуры. Отношение к другим нациям. Землетрясение. Иошивара. Гейши. Рестораны. Могила самураев.	
На обратном пути в Москву	91
Наводнение во Владивостоке. Приключение с паспортом. Заключение.	

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

У нас в СССР имеется общественная организация трудящихся — Осоавиахим. Это добровольное общество ставит себе целью содействовать укреплению обороны СССР, поддерживать строительство воздушного флота, содействовать расширению и укреплению нашей химической промышленности.

На все это нужны средства, и Осоавиахим собирает их среди своих членов (членские взносы и добровольные пожертвования).

Одним из средств привлечения денежных пожертвований трудящихся на усиление воздушного флота и является организованная добровольным обществом лотерея. Осоавиахим выпустил по полтиннику лотерейные билеты. Выигрыши в этой лотерее — не денежные суммы, не золотые вещи, а кругосветное и другие путешествия. Впрочем, по желанию выигравшего, путешествие ему может быть заменено выдачей денег.

Всякий трудящийся, приобретая эти билеты, совершал этот поступок под влиянием двух побуждений. С одной стороны, он хотел помочь рабочему правительству в деле укрепления обороны страны. С другой стороны, у него была также личная заинтересованность, так как каждый

рассчитывал на то, что именно на его билет выпадет путешествие вокруг света.

Тов. Казаринов, служащий Рыбинской спичечной фабрики, выиграл такое кругосветное путешествие. Он выполнил свою общественную обязанность: он был членом Осоавиахима, он приобрел лотерейный билет, помог этим Осоавиахиму собирать средства на строительство воздушного флота и укрепления обороны СССР. И на приобретенный билет пал выигрыш — путешествие вокруг света. Тов. Казаринов мог бы отказаться от путешествия, взамен его получить довольно большую сумму денег (больше четырех тысяч рублей), но он предпочел объехать вокруг света.

В результате этого путешествия и явилась настоящая книжка. Тов. Казаринову, к сожалению, не удалось ознакомиться с жизнью и бытом рабочих и крестьян зарубежных стран. Капиталистические правительства преградили ему путь на фабрики и заводы и в рабочие кварталы. Тем не менее читатель, который никогда не был за границей, найдет в книжке Казаринова очень много интересного.

Читатель лишний раз убедится в том, что участвовать в таких добровольческих обществах, как Осоавиахим, не только важно для обороны страны, но также и для культурных интересов каждого трудящегося.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я не ученый, хорошо знающий заграничные государства. Не могу я назвать себя и настоящим путешественником, который подолгу бывал в разных странах, подробно изучил быт и жизнь разных народов и теперь делится своими знаниями и впечатлениями. Я попал за границу случайно и пробыл там очень недолго, всего-на-всего два с половиной месяца.

Вы сами понимаете, что трудно в десять недель осмотреть четыре таких крупных страны, как Германия, Франция, Америка и Япония.

Особенно это трудно было для меня, так как я простой служащий на спичечной фабрике „Маяк“ в Рыбинске. Языки иностранные я учил когда-то в гимназии и основательно их перезабыл. Поэтому ни в одной стране я не мог разговаривать иначе, как через переводчика.

Незнание языка и разговор только через переводчика являются большим препятствием в путешествиях: многого не замечаешь и пропускаешь.

А, ведь, жизнь других народов так отличается от нашей, что просто глаза разбегаются, и не знаешь, куда и на что смотреть. Все ново, все в диковинку для тебя.

Поэтому на мою книжку надо смотреть не как на руководство, а как на первые впечатления советского гражданина, который попал в буржуазные

страны. Такие заметки, порой очень краткие, имеют несомненный интерес, особенно для тех читателей, которые не выезжали из СССР.

Думаю, что некоторую посильную помощь в деле ознакомления с чужой жизнью я этим читателям смогу оказать.

За границей многое меня поражало и удивляло. Были вещи, которые меня возмущали, но были и такие, которые приятно изумляли, и мне хотелось, чтобы в этом отношении мы скорее догнали западные страны. За границей есть много такого, чему нам надо поучиться, что надо перенять, а не ждать, пока мы до этого дойдем своим умом.

Но много в буржуазных странах также очень плохого. Наше счастье, что мы не испытываем на себе этого плохого. Наш советский строй избавил нас от многих ужасов, без которых немислим капиталистический строй.

К сожалению, я очень мало могу сказать о заграничной рабочей жизни вообще, о заводах в частности. Проникнуть и осмотреть заводы и рабочие кварталы я пытался в каждой стране, но нигде мне это не удавалось.

В одних странах, например, в Америке, мне просто говорили, что при первой же попытке попасть на завод меня вышлют из Америки.

В других, во Франции и в Германии, мне обещали очень вежливо и с величайшим удовольствием показать все, что я хочу. Но при этом самую волокиту с выдачей разрешения на осмотр так тянули, что разрешение получалось через много дней после моего отъезда из этой страны.

Поэтому я описываю, главным образом, жизнь буржуазии, той буржуазии, которую мне удалось видеть на улице. Рабочих от меня прятали очень старательно. Предполагали, что я сейчас же начну среди них коммунистическую агитацию. На Западе к каждому советскому гражданину, даже если он беспартийный, как я, относятся с величайшим подозрением. Предполагается, что если советского человека выпустили за границу, так это со специальной целью: агитировать за Третий Интернационал.

Я же попал за границу совершенно случайно. Я выиграл первый выигрыш лотереи Осоавиахима. По этому выигрышу я мог получить или деньги или поехать за счет Авиахима кругом света. Я предпочел посмотреть весь мир, зная, что на свои деньги я этого никогда не смогу сделать.

Меня провезли по всем странам, которые были намечены в объявлениях Авиахима, и теперь я вернулся обратно, полный впечатлений. Я купил много фотографических снимков, часть которых я здесь и печатаю.

Я вылетел из Москвы на аэроплане и, испытав совершенно новое ощущение полета, через несколько часов уже был в немецком городе Кенигсберге. На это путешествие нужно было бы потратить несколько дней, если бы я ехал по железной дороге.

Тип самолетов, совершающих перелеты Москва—Берлин.

ГЕРМАНИЯ

Общее впечатление

Кенигсберг—это небольшой немецкий город. Сразу ваше внимание поражает необычайное количество вновь отстроенных и строящихся домов.

Дело в том, что Кенигсберг довольно сильно пострадал во время империалистической войны. Теперь немцы его отстраивают.

Но не только этот город, а и все остальные города Германии, в которых мне удалось побывать, все имеют такой же вид.

Хотя Германия и проиграла войну, но тем не менее она зализывает свои раны гораздо быстрее, чем какая-либо другая страна. Немцы все свое внимание сейчас направляют на то, чтобы восстановить разбитую страну. Для этой цели они всеми способами усиливают промышленность, развивают торговлю.

Конечно, это требует больших денег, и германское правительство выколачивает их, главным

образом, из неимущих и трудящихся классов населения путем обложения их налогами, или занимает их у американских банкиров. Особенно велики косвенные налоги на продукты первой необходимости.

Налоги эти необходимы не только для восстановления промышленности. Они нужны также для выплаты долгов Франции, Англии, Америке и другим странам. Эти налоги очень тяжело ложатся на бюджет рабочего и бедного мелкого служащего.

Кроме того, усиление промышленности и оживление торговли в Германии достигнуто путем увеличения рабочего дня на фабриках и заводах до 10 и даже до 12 часов и путем уменьшения заработной платы. Конечно, от такого оживления прежде всего выигрывает буржуазия.

Чего стоит это оживление и строительство неимущим классам — говорить не приходится. Любой наш квалифицированный рабочий и служащий кажется богачом по сравнению с немцами. Достаточно сказать, что профессор университета получает на наши деньги около 60 рублей в месяц (120 немецких марок). На службе, кроме директоров крупных предприятий, оклада больше 400 марок (200 руб.) нет даже для высших чинов.

Мы, конечно, не говорим о торговых прибылях, о спекулятивных заработках и т. д. В то время как рабочий класс нищенствует и голодает, спекулянты наслаждаются на ограбленные у рабочих деньги.

Из Кенигсберга я с большим трудом добрался до Берлина. По дороге наш аэроплан попал в грозу

и бурю. Самолет кидало из стороны в сторону. Немецкий летчик, не желая рисковать жизнью пассажиров, уже в виду Берлина повернул машину обратно. Только через день я попал в Берлине уже на поезде.

Немецкие поезда сильно отличаются от наших. Прежде всего там узкая колея. Поэтому большинство вагонов устроено отдельными купэ, без соединительного коридора. Попасть из одного отделения купэ вагона в другое на ходу поезда вы не можете. Дверь из купэ открывается прямо на перрон¹⁾.

Чистота на улицах

Первое, что вас поражает в Германии, это — необычайная, неслыханная у нас чистота. Улицы и тротуары, асфальтовая мостовая точно вылизаны. Они блестят, как зеркальные, и я первые дни невольно смотрел на свои подошвы: достаточно ли они чисты для того, чтобы ими ступать по такой чистой улице.

Лошадей не видно почти совсем: исключительно автомобили, грузовики, трамваи. Движение, конечно, гораздо большее, чем у нас даже в Москве.

Никаких надписей о том, что нельзя ходить по траве и цветам на бульварах и в садах или о том, что воспрещается бросать окурки и мусор на тротуар, в Германии вы не увидите. Такие надписи там бесполезны. Немец и без этой надписи понимает, что сорить на улице преступно.

¹⁾ Перрон — площадка на станциях и вокзалах.

Если сравнить с нашими улицами, где бросают на землю не только окурки, но и всякий хлам, а в провинции льют на мостовую помой и из окон выкидывают сор, то сравнение будет не в нашу пользу.

Со мной был такой забавный случай, который очень хорошо показывает, как привык немец к чистоте.

Я шел по улице и, забывшись, бросил на тротуар пустую коробку из-под папирос.

Я прошел несколько шагов, как вдруг слышу, что за мной кто-то бежит и окликает меня. Я оборачиваюсь. Сзади меня догоняет какой-то пожилой запыхавшийся немец и передает мне пустую коробку. Через переводчика он очень любезно говорит мне, что я уронил коробку, и он счастлив, что заметил и догнал меня, чтоб передать.

Немец даже не открыл коробки и потому он не знал, что она пустая. Он не мог предположить, что я по своему „рассейскому“ неряшеству мог просто выбросить коробку. Немец был уверен, что она полная, и что я ее нечаянно уронил. Я поблагодарил немца, и мне стало так стыдно, что я несколько раз ловил себя потом на желании бросить коробку и торжественно опускал ее в урну. Надо сказать, что такая чистота в Германии не только на центральных улицах, но и в самых бедных рабочих кварталах.

Такая же чистота в домах, в учреждениях, в общественных местах. Вы нигде не увидите обрывка бумаги, окурка. И если полицейский—шццман, как он называется по-немецки, увидит на

тротуаре грязь, он сейчас же или сам поднимет окурок, или вызовет дворника, чтобы тот убрал.

Позже я узнал, как достигается на улицах такая чистота. Каждое утро, когда город еще спит, на улицах появляются особые чистильщики, которые насосами смывают грязь, потом особыми автомобилями-пылесосами вычищают все, что осталось. Кроме этого, автомобили с большими валами-щетками еще раз протирают мостовые. Это каторжный труд, но улицы всегда чисты, и значит меньше рассадников эпидемий и заразных болезней.

Вокзал воздушного флота

Первое, что я осмотрел в Берлине, это был знаменитый воздушный вокзал. Германия первая в мире страна по развитию воздушного сообщения. Каждый маленький городок связан с Берлином правильным воздушным сообщением.

У нас в Москве на аэродроме бывают посторонние только в качестве наблюдателей состязания. Число летавших у нас насчитывается сотнями, в лучшем случае тысячами.

В Берлине воздушный вокзал это то же самое, что у нас железнодорожный вокзал. Там бывают все, потому что там полет—такая же обыкновенная вещь, как поездка в поезде.

Воздушный вокзал это длинный павильон, перед которым огромное поле аэродрома.

Около вокзала стоят станции—башни, предсказывающие погоду. Ночью аэродромные вышки светятся, чтоб летчики находили место посадки. Здание павильона кишит людьми. Тут же буфет

и залы для ожидающих. Через каждые пять минут раздаётся зычный голос швейцара:

— Аэроплан на Кенигсберг летит через пять минут! Прошу занимать места!

— Аэроплан на Кёльн летит через пять минут!

— Аэроплан на Мюнхен летит через пять минут!

Вокзал воздушного флота в Берлине.

И после каждого возгласа группа людей быстро срывается с места, выходит на поле, где стрелки точно обозначают место, где надо садиться. В руках у пассажиров крохотные чемоданчики. Несколько минут, и с гулом и треском срывается с места аэроплан.

А в павильоне уже звучит новая фраза швейцара, извещающая о посадке на следующий аэроплан.

Так же часто звучит гонг (звонок), и радио сообщает:

— Аэроплан из Кёльна прибывает через десять минут!

— Аэроплан из Франкфурта прибывает через десять минут!

И, действительно, ровно через десять минут спускается аэроплан, из него быстро выходят люди, и эти люди и их встречавшие быстро уходят с поля. Аэроплан сейчас же откатывают в сторону, потому что через десять минут это место будет нужно уже другому аэроплану.

Необычайный порядок, необычайная точность. Все спешат, но никто не торопится. Каждый точно знает, сколько времени в его распоряжении. Аварии (крушения) на воздушных сообщениях в Германии очень редки, даже реже, чем случаются с поездами.

Там к воздушным поездкам относятся так, как у нас к поездке на поезде в пригородную местность.

Все воздушные сообщения поддерживаются только двумя воздушными компаниями: Дерулюфт и Люфтганза. Цены на билеты низкие, они равны проезду в мягком вагоне поезда.

Быстрота, значительно превышающая даже курьерские поезда, делает воздушное сообщение очень удобным, и оно завоевывает все новых и новых пассажиров. Недаром железнодорожники в Германии говорят:

— Скоро мы будем перевозить только одни грузы. Все пассажиры будут летать.

В и з ы

Так как у меня была только германская виза, т.-е. разрешение на въезд только в Германию, то мне пришлось первым делом позаботиться о таких же

визах в Америку и Китай (французскую мне уже достали).

Когда я прибыл в китайское посольство, меня приняли очень любезно, но прежде всего справились.

— Есть ли у меня уже американская виза.

И, когда я ответил, что об американской я еще только хлопочу, китайский представитель учтиво развел руками и с сожалением сказал:

— Мы можем выдать визу только после того, как у вас будет американская.

Эта фраза, как нельзя больше, показывает, насколько Китай зависит от американской политики, если даже впустить к себе в страну путешественника Китай решается только после соответствующего разрешения американского посольства.

Нечего было делать, и я пошел в американское посольство. Там меня приняли тоже очень любезно, сказали, что знают уже из газет, что я лечу по свету за полтинник по выигрышу в Авиахиме.

После этого начался подробный допрос: кто я, не собираюсь ли я остаться навсегда в Америке, каковы мои средства и не попрошу ли я денег у американского правительства на выезд. Особенно консул интересовался вопросом: не коммунист ли я.

Когда на все вопросы мною были даны такие ответы, которые успокоили консула, он дал мне подписать анкету, заменяющую для Америки наш паспорт.

После этой анкеты с меня были взяты деньги в залог того, что я выеду из Америки в указанный визую срок.

Когда все формальности были выполнены, консул выдал мне визу и стал очень любезно со мною разговаривать. В частности, он сказал фразу:

— Вы, русские, очень гордитесь тем, что устроили у себя свободную республику. Вот, когда вы побываете в Америке, только тогда поймете, что такое настоящая демократическая свобода.

Надо сказать, что консул оказался „прав“: только побывав в Америке и будучи там с самого начала арестован, я понял, что такое „настоящая демократическая республика“, в которой въезжающего по разрешению, со всеми документами, специальной визой и т. д. с места в карьер сажают в тюрьму. Но об этом позже.

Спорить с консулом относительно американской „свободы“ я не стал. Необходимо было торопиться.

Из американского посольства я направился обратно в китайское и там получил разрешение буквально в три минуты. Меня не спрашивали, ни кто я, ни зачем я еду. Просто посмотрели на американский штампель и рядом стукнули своей печатью. Правда, разрешения на въезд в Пекин, столицу Китая, мне не дали, мне разрешили побывать только в северном Китае, Манчжурии. Но и это я получил благодаря не китайскому, а американскому консулу.

П о л и ц и я

Настоящего войска я в Германии почти не видал. Попадаются на улицах офицеры, но солдатской массы совсем не видно. Может быть, сол-

даты сидят в казармах, а, может [быть, по летнему времени они были где-нибудь в лагерях. Зато шущманами—полицейскими „демократический“ режим Германии может гордиться.

Это крепкие и рослые парни, на голову выше любого гражданина. Под шинелью их чувствуются крепкие мускулы, и невольно понимаешь, что такие полицейские—серьезный враг любой рабочей демонстрации.

Эти шущманы проходят свою, социал-демократическую, с монархическим уклоном „политграмоту“, и так же, как германский президент, смотрят на республику, как на что-то временное, после чего снова воцарится император.

Эти полицейские служат своей „социал-демократической“ власти не за страх, а за совесть, и готовы защищать власть, которая их кормит, до последней капли крови.

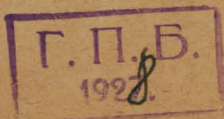
Имеется целая сложная сеть потайных телефонов, которые скрыты от взоров прохожих в стволах деревьев и иных укромных уголках. Из этих тайных аппаратов шущманы уведомляют обо всем подозрительном, что они заметили во время своего обхода.

С другой стороны, существует и целая сложная система, как проверить, все ли свое дежурство шущман был на посту, или часть времени он проспал, прикурнув где-нибудь.

К у р о р т ы

Удалось мне съездить и осмотреть немецкий курорт.

Возврат света на континент.

Буржуазный курорт это нечто совсем иное, чем наши курорты, на которых действительно за время курортного отпуска поправляют распатанное работой здоровье наших рабочих и служащих.

У нас установлен режим, по которому живут отдыхающие. Они правильно питаются, рано ложатся спать. Больные находятся под беспрестанным наблюдением врачей, ревниво оберегающих каждый фунт веса, нажитый отдыхающим на курорте.

И, действительно, наши врачи знают, что каждый фунт прибавленного больным веса поможет ему энергичнее работать зимой. Восстановление здоровья рабочих помогает укреплять советское строительство.

Совсем не то заграничный курорт.

У нас курортников содержат или за счет государства, или за очень небольшую плату, соответственно получаемому жалованию. На буржуазных курортах цены потрясающие. Так, жизнь в гостинице, где мне пришлось остановиться, требует в день столько денег, сколько средний служащий в Берлине не выработает в неделю.

Немецкий курорт это нечто совершенно недоступное по ценам не только рабочему, но и среднему служащему. Если даже на курорт приезжает высший служащий, то месяц курортной жизни оставляет след в его бюджете на весь год.

Поэтому на курортах вы видите только коммерсантов, фабрикантов, спекулянтов, денежную аристократию, все остальные или не пользуются

ими, или выезжают на более дешевые курорты за границу в Италию, Швейцарию. Другой публики там нет. У нас вы можете с большой пользой прожить время своего отпуска на курорте, в доме отдыха или санатории, набирая здоровья, наслаждаясь солнцем, морем и природой.

Там с полдня гуляют уже разодетые дамы, с иголки одетые мужчины, и по существу характер жизни ничем не отличается от городского. Так же целый день люди ходят в гости друг к другу, так же гремят оркестры, так же тянется праздная жизнь, начинаясь около полудня и затягиваясь до трех часов ночи.

И это называется отдыхом, поправкой здоровья. Нет, там курорт — это место развлечения для имущих классов, так же, как и у нас в прежнее время.

Немцы, как и вообще все иностранцы, вот уже несколько лет сходят с ума от одной моды, это мода на танец фокстрот.

Фокстрот — это особый танец, позаимствованный у негров. Он возник во время войны и быстро привился и распространился по Европе и Америке. Сейчас фокстрот танцуется там повсюду и больше всего на курортах.

Утром, днем, вечером, ночью играет оркестр этот танец, и курортная публика танцует. Наиболее ретивые поклонники этого танца пляшут даже во время обеда. Съедят суп в ресторане, заиграет музыка, они бросают жаркое, потанцуют, потом доедят блюдо и опять пляшут.

Остряки говорят, что „хороший немец“ танцует ровно 24 часа в сутки, уделяя остальное

время на работу. Конечно, под хорошим немцем здесь надо разуместь хорошего буржуа, которому вовсе не надо работать, чтобы существовать.

Врачи и сами не смотрят на своих больных, как на больных. Они принимают больных и назначают им какое-нибудь лечение только для того, чтоб было за что брать деньги.

Немецкие курорты — это собрания очень богатых людей, которые хвастают друг перед другом шикарными туалетами дам, кутежами и безделием.

К а й з е р

Вся эта немецкая буржуазия, хотя и считает себя сторонницей германской республики, однако, втайне, а иногда и открыто очень тщательно сохраняет портреты императоров и генералов.

Немец-буржуа мечтает о возвращении кайзера и с почтением говорит о великой монархии.

Также ревниво они относятся к старым сказкам, якобы рисующим независимость германского народа и его свободу.

Я осматривал в одном из немецких городов замок короля Фридриха. Этот король был вроде нашего царя Николая Первого, который увлекался солдатчиной и маршировкой, за что и получил прозвище Николай Палкин (от неимоверного количества назначаемых провинившимся солдатам палочных ударов). Фридрих также увлекался солдатчиной, но был, правда, поумнее, по крайней мере в том отношении, что умел выбирать министров поумнее, чем Николай.

Когда я осмотрел замок, очень бесвкусный, мне с торжеством показали мельницу. Оказывается, что эта мельница знаменита, и про нее существует целый исторический анекдот.

Некогда эта мельница принадлежала одному крестьянину. Земля, на которой стояла мельница, была нужна Фридриху для того, чтоб открыть выезд из замка в другую сторону. Король обратился к мельнику с просьбой продать землю и мельницу. Крестьянин наотрез отказался. Фридрих стал предлагать большую сумму денег, но мельник отказался продать свой участок королю.

Тогда раздосадованный Фридрих велел просто-напросто отобрать эту землю у крестьянина, не заплатив ему ничего. Землю отобрали, но мельник подал жалобу на Фридриха в суд и выиграл дело: суд ему вернул землю.

Немец-обыватель, рассказывая эту историю, с гордостью подчеркивает, что только в Германии такой независимый суд, который не побоялся присудить дело в пользу крестьянина против короля.

Надо ли говорить, что дело было несколько иначе. Имперский суд в это время, благодаря ряду очень незаконных приговоров, вынесенных им, потерял всякое доверие в глазах средней буржуазии. Фридрих, видя это, приказал суду решить дело в пользу крестьянина и таким образом снова поднять значение суда в глазах обывателя. И, как видно по восторгу немца, Фридрих рассчитал правильно. Суд снова стал авторитетным в глазах народа, и Фридрих снова мог во всех нужных ему случаях приказывать суду.

Немецкий буржуа, конечно, всячески опровергает истинное положение дела. Но достаточно посмотреть, какие приговоры выносит немецкий суд по политическим делам, жестоко наказывая малейшие провинности рабочих и отделяваясь мелким наказанием белогвардейщине, чтоб понять, какую цену можно придавать рассказам о беспристрастности и независимости буржуазного суда.

Ц е н ы

Если вы походите по берлинским магазинам, то вас, после наших цен, поразят тамошние. Там все ровно в два, а то и в три раза дешевле нашего. Громадные универсальные магазины кажутся грандиозными по сравнению с нашими универмагами.

Вы можете купить себе в таком магазине марок за сто (50 руб.) очень хороший костюм, конечно, превышающий по качеству наши сторублевые. Ботинки, материи, все предметы, конечно, гораздо дешевле нашего.

Но, если принять во внимание немецкие заработки, то эти цены покажутся — высокими. Ведь цену надо рассматривать не применительно к нашему заработку, а применительно к местному заработку.

На свой месячный заработок немецкий труженик может купить значительно меньше, чем наш рабочий — на свое жалованье. Наоборот, нам, приезжающим в Германию с нашей валютой (деньгами), немецкие цены выгодны.

У нас, в Москве, например, сравнительно неважный номер в гостинице стоит пять рублей и

дороже. В берлинской гостинице за десять марок вы будете иметь роскошную комнату, с ванной, горячей водой,—словом, со всеми удобствами. Комната, равная по качеству и удобству нашей пятирублевой, там будет стоить ровно вдвое дешевле. Но, так как заработок немецкий в три раза ниже нашего, то выходит, что для немца и эти цены выше, чем для нас наши.

Эмигранты

Жилищного кризиса в Берлине не чувствуется, хотя о нем поговаривают. Временно он отсрочен громадным выездом из Германии русских эмигрантов. Они свили себе гнездо теперь в Париже.

В Берлине остались, собственно, не активные контрреволюционеры, борющиеся против Советов, а просто люди, напуганные нашей революцией. Это те, которые в политике разбираются мало, но еще до сих пор по наслышке боятся советской власти и ненавидят ее. Это мусор, который остался от вихря революции.

Эти люди — очень жалкие. Они жадно накидываются на каждого приехавшего из страны Советов для того, чтоб расспросить, что делается на родине. Большая часть этих людей стоит хвостом у нашего полпредства, выклянчивая и вымаливая разрешение вернуться обратно.

Настоящая контрреволюционная эмиграция почти вся перекочевала в Париж или рассосалась по соседним с нами маленьким государствам, откуда их начинают теперь выкуривать.

Замечательно, что все переводчики и проводники мои, начиная с Берлина, были исключительно бывшие русские титулованные люди: графы и князья, которые, не имея денег в эмиграции, решили использовать свое знание языков и этим зарабатывать деньги.

Ж и з н ь

Я осмотрел несколько музеев и картинных галерей. Лучшие из них, по-моему, в Мюнхене. Это так называемые Мюнхенские Шакгаллери, Новая и старая Пинакотека и Глиптотека, где собраны прекрасные статуи.

Из Пинакотек интереснее старая, где очень много подлинных старых мастеров-художников как своих, так и иностранных. Вообще музеями и картинными галереями немцы могут похвастать. С ними могут поспорить только французские собрания произведений искусств.

На заводы в Германии меня не пустили. Страх перед большевизмом и перед всем советским там большой, но нелепый. Так, на заводы меня, беспартийного, не пустили, но на улицах свободно продается наша газета „Правда“ — центральный орган компартии. Своими установившимися отношениями с СССР немцы очень гордятся и в то же самое время они побаиваются нас.

Мы сейчас им важны прежде всего уже по одному тому, что остальные государства, с которыми воевала Германия, смотрят на эту побежденную страну как победители (особенно французы); если разговаривают с немцами, то только потому,

что это их должники, с которых надо содрать как можно больше долгов.

„Н а ч а й“

Что очень неприятно поражает в Германии так это совершенно узаконенные чаевые.

Они доходят до того, что когда я выезжал из гостиницы и, дав на чай всей прислуге, обслужившей меня, позабыл дать мальчику, который стоял у телефона, то этот последний побежал ко мне сам и попросил денег.

Объясняются чаевые просто. Немецкий предприниматель очень жаден, и поэтому всю заработную плату, какую можно, он переложил на потребителя. Так, владелец не платит жалованья парикмахеру, швейцару, лакеям, посыльным и т. д., заставляя платить потребителя чаевыми.

С другой стороны, и потребитель-немец очень скуп, поэтому он совершенно не склонен выбрасывать лишних денег из кармана в виде чаевых. Чаевые в Германии, таким образом, не только узаконены, но и так сказать определены в смысле размеров, если не законом, то обычаями. Полагается давать ровно 10¹/₀ с истраченной вами суммы.

Тут вас поражает, с одной стороны, насколько немец точно высчитывает эти самые десять процентов, не давая ни одной копейкой больше, с другой стороны—то, как получающий удовлетворяется порою крохотной цифрой, если она составляет именно 10⁰/₀. На большее он и не рассчитывает,—это один из признаков немецкой добросовестности.

В жаркий день я зашел в пивную и выпил две кружки пива, что составило по сумме около сорока копеек. Зная, что нужно дать десять процентов, я все-таки посовестился оставить четыре копейки.

Но, посмотрев вокруг, я увидел, что мой сосед оставил за одну кружку ровно две копейки; двадцать за пиво, и две — на чай. И лакей низко изогнулся за эти две копейки; он и не рассчитывал получить большего. И когда я оставил, вместо четырех копеек, десять, то лакей посмотрел не только благодарно, но даже как-то испуганно, словно предполагая, что я ненормальный.

Проституция

Если вы хотите видеть настоящие язвы капиталистической столицы, то вам надо выйти около полуночи на залитые ярким светом улицы. Там очень много проституток. Официально проституция не разрешается и очень сильно карается заражение другого лица венерическими болезнями, но на самом деле города, а Берлин, особенно по ночам, живет только торговлей женским телом.

Это и понятно. Жалованье, которое получают служащие женщины, так ничтожно, что просуществовать на него невозможно. А служба требует, например, от приказчиц, чтоб они были хорошо одеты. Ясно, что их жалованья нехватает не только на жизнь, но и на те тряпки и чулки, в которые требуется, чтобы они были одеты. Отсюда прямой вывод: торговля собой.

Конкуренция доводит до того, что продающиеся женщины и не рассчитывают на то, что им за

платят деньгами; они ждут только того, чтоб их накормили ужином в каком-нибудь кабаке. И за это они уже благодарны. По тротуарам ходят полицейские и гонят этих несчастных, так как проститутки не смеют останавливаться.

Немецкий обыватель

Может быть, меня спросят:

— Какое общее впечатление осталось у меня от Германии и от немцев за то недолгое время, что я успел провести с ними?

Я должен буду ответить, что это впечатление двойное. Прежде всего установим, что перед нами немец-буржуа, тот мелкий буржуа, с которым я больше всего сталкивался на улицах, в пивной, в кафе и т. д. О немец-рабочем мы говорить не будем.

Вот этот-то немецкий буржуа очень трудолюбив. У него очень узкое, мещанское представление о счастье, но это счастье он строит очень терпеливо, не падая духом ни перед какими неприятностями. Очень ревниво он относится и к своей службе, обогащая своим добросовестным усидчивым трудом своего хозяина.

По характеру своему немецкий буржуа гораздо глубже и серьезнее французского. Он немножко напоминает складом своего ума нашего крестьянина: он очень терпелив, точен, и если не блещет неожиданными изобретениями, то медленной и усидчивой работой он может сделать гораздо больше чем иной блестящий, но непостоянный ум.

Германия сейчас все свои силы употребляет на то, чтоб зализать раны, нанесенные войной.

Но каждому постороннему глазу ясно видно, что зализать эту кровь, в корне не изменив строя, нельзя.

Основная сила страны—рабочий класс придавлен и экономически и политически. Рабочий зарабатывает лишь столько, чтобы не умереть с голода, и в придачу к постоянной голодухе он не может свободно дышать.

Статуя кайзера Фридриха I в „республиканской“ Германии.

Взяточничество

Среди служащих и чиновников из-за малого жалованья развивается взяточничество, которого раньше в Германии никогда не было. И у нас попадаются взяточники, но с ними у нас борются и законом, и общественным мнением. Поэтому взяточник у нас таится, сознавая, что он делает что-то позорное и нехорошее. Там взятка узаконена почти как чаевые. Лакей берет 10% за то, что он вам принес пиво, а чиновник иногда берет те

же 10% за то, что он вам ускоряет дело. Я оговариваюсь, что взятки, конечно, преследуются законом, но такие дела раскрываются только в случаях особенного общественного шума.

„Императорская республика“

Мне не пришлось побывать в рабочей среде. Судя по беглым разговорам, настроение рабочих в Германии очень революционное по отношению

Площадь Победы в „республиканском“ Берлине с памятником Бисмарку ¹⁾.

к власти. Но власть очень крепка, и малейшие проступки против существующего строя караются так жестоко, что рабочим приходится только скрежетать зубами и до поры до времени молчать. Недаром, один из немцев сказал мне по-русски

¹⁾ Князь Бисмарк (1815—1898 г.г.)—германский канцлер, т. е. первый министр. В течение многих лет Бисмарк работал над укреплением императорской Германии. Он был вождем реакции, (т. е. старых порядков), не только для Германии, но и для других стран Европы. Бисмарк был злейший враг рабочего движения.

(говорить на политические темы через титулованного переводчика я опасался):

— Раньше у нас была императорская империя, а теперь императорская республика.

И, действительно, эта республика с завзятым монархистом генералом, бывшим главнокомандующим Гинденбургом во главе—кажется временной.

Рабочая демонстрация в Берлине.

Характерно, что, несмотря на все симпатии к нам, местная власть все-таки закрыла работу ячейки Осоавиахима, работавшую при торгпредстве. Ее деятельность ограничена работой внутри нашего представительства.

Я побывал на народных празднествах и гуляниях и должен отметить, что даже средняя буржуазия, посещающая эти празднества, не очень веселится. Во всех увеселительных местах, если только посетители не пьяны (а их очень и очень много), держатся натынуто и чопорно, как бы оглядываясь

на завтрашний день. Это объясняется и общей нуждой в деньгах, и неопределенностью формы государственного строя. Неизвестно, куда повлекут события страну. Потащут ли фашистские и военные круги назад к империи и к оставшемуся в живых, и даже получившему от республиканского правительства миллионные деньги за свои поместья императору Вильгельму и его сыновьям, или прорвется подземный вулкан рабочего недовольства, и из буржуазной республика станет подлинно рабочей?

Крупная буржуазия стремится к быстрому развертыванию дела и промышленного, и торгового, потому что рискованно строить долгие планы.

Пробыв десять дней в Германии, я снова сел на трехмоторный аэроплан и помчался на запад, в столицу Франции, в Париж, куда французская виза пускала меня всего на два дня.

Рабочая демонстрация в Париже.

Ф Р А Н Ц И Я

Следы войны

Как только вы перелетаете границу Франции, вас поражает количество мест, поврежденных войной. Тут и поломанные дома, и разбитые снарядами стены; тут и вспаханные поля, потому что земля завалена военными осколками, разбитыми повозками. Нужно много труда, денег и времени, чтобы привести эти поля в такой вид, когда по ним можно будет пройти с засевом зерна.

Все то, что сделано в этом отношении у немцев, кажется грандиозным. Победители же французы не сделали почти ничего. Они до сих пор еще ликуют в своих буржуазных газетах по поводу разгромленной Германии и так мало обращают внимания на свое хозяйство, что оказывается: побежденная страна уже оправляется, а победительница еще больна.

В Париже

После сильной бури, когда наш аэроплан кидало из стороны в сторону, когда молнии сверкали около самолета, зловеще освещая пространство, мы, наконец, благополучно добираемся до парижского аэродрома.

Тут мне оказывает честь парижская полиция, которая из всех пассажиров аэроплана приглашает в полицейский участок меня одного. Здесь мне указывают, что я не имею права пробыть во Франции больше двух дней. Мои вещи осматриваются очень тщательно.

Как только я вышел с аэродрома, тотчас же отправился хлопотать о продлении моей визы еще на два дня. Добиваюсь, хотя и не легко. В Париже тоже довольно чисто, но после немецкой чистоты кажется, что грязно. Особенно грязно в тех кварталах, которые заселены нищетой: рабочими и студентами. Тут нет и помина о больших домах, о широких улицах с прекрасными магазинами. Тут сырость, грязь, нищета. Зато центральная часть города поражает роскошью магазинов, кафе и ресторанов.

И еще раз убеждаешься, что если богатство и буржуазия имеют свои национальные лица, то лицо труда и бедноты одинаково для всего света.

Французский рабочий больше, чем какой-либо другой, знает дорогу в ломбард. От войны с немцами он не получил ничего, хотя все лишения и тяготы нес только он один, страдая в окопах, оставляя своих детей на произвол судьбы и платя

втридорога за припасы, которыми французская буржуазия торговала с немецкой. Но плодами побед воспользовалась одна буржуазия.

Так бывает всегда. В этом есть своеобразное разделение труда в капиталистических странах: один класс несет на себе бремя, другой получает выгоды.

Рабочие кварталы Парижа крепко ограждены, с одной стороны, высокими стенами богатого Парижа, с другой, — кварталами апашей.

А п а ш и

Апаши раньше были воры, грабители, подонки общества, люди, которые не расставались с ножом. Но так как такие бродяги в большом городе доставляли буржуазии слишком много тревоги, то полиция обработала их. Теперешние апаши это просто деклассированная ¹⁾ нищета, которая в большинстве случаев состоит на службе у полиции и сыска, нанимается там для мелких поручений.

Из этой же среды вербуются тайные убийцы, когда полиции бывает угодно, чтоб кто-либо исчез бесследно.

Таким образом, с одной стороны, рабочие имеют по соседству кварталы шпионов, воров и предателей.

С другой стороны — богатый Париж, тот Париж, который признает только наряды и удовольствия.

¹⁾ Деклассированный — оторванный от своего класса, потерявший связь со своим классом.

Обыватель

Вино, ресторан, женщины — вот, что манит парижанина-буржуа. И в этом отношении мелкий служащий мало чем отличается от крупного буржуа.

Если хозяин лавки пошлет своего приказчика через улицу, то приказчик прежде чем вернуться с тем, за чем он послан, забежит на десять минут в ближайшую кофейню. Там он выпьет стакан кофе, перекинется парой фраз со знакомым, подмигнет незнакомой женщине и только после этого вернется на службу.

Уличная жизнь Парижа. С левой стороны — кафе.

Улица

Нигде в Европе так не развита уличная жизнь, как в Париже. Улицы, буквально, кишат празднующими. Толпа всегда хорошо одета, во всяком случае, изящно. В угоду этому изяществу парижанин-буржуа, а особенно буржуазные женщины

готовы на любые жертвы. Парижский шалопай откажет себе в книгах, в еде, в уюте квартиры, но купит новый костюм, хороший галстук и посидит в ресторане. В Париже страшно развита показная жизнь.

Там сейчас мода на худых женщин; от толстух отворачиваются с презрением. Поэтому женщины ничего не едят только для того, чтоб сбавить пару фунтов. А самые большие модницы дошли до того, что специальными медицинскими средствами заставляют себя худеть. Это очень вредно для здоровья, зато буржуазная парижанка худа, как этого требует мода.

Р е к л а м а

На улицах вас поражает реклама. Надо сказать, что реклама афишами, плакатами в Париже уже отжила свой век. Там перешли на другую рекламу.

Вот над Парижем летает аэроплан. За ним следит толпа. Аэроплан при помощи особых насосов, выбрасывает дымовые буквы. Эти буквы расползаются в воздухе в громадные слова. Весь небосвод исписан какими-то фразами.

Вы думаете, что это лозунг или призыв правительства. Вы, может быть, предположите, что это важное сообщение, вроде тех, какие у нас передаются по радио. О, нет. Это название фирмы и ее адрес. Что же производит фирма? Всего навсего дамские лифчики.

Вы едете на автомобиле. Извозчиков и лошадей в Париже нет. К вам на подножку вскакивает

юркий мальчишка (гамен) и бросает вам какую-то бумагу. Вы смотрите: у вас в руках карточка красивой женщины. Тут же ее адрес и часы приема. Это сама себя рекламирует модная дорогая проститутка. На обороте этой карточки вы можете даже прочесть отзывы об этой красавице известных всему Парижу людей.

Ц е н ы

Уличная толпа с утра и до вечера наполняет магазины, а магазины в Париже открыты с утра и до 12 ночи. Обыватель жалуется на страшную дороговизну цен. Для нас эти жалобы смешны, потому что в Париже все стоит еще дешевле, чем в Берлине, особенно белье и одежда. Но заработки здесь действительно грошовые.

Французский франк, который стоил 37 копеек в мирное время, упал теперь до 10 копеек. Буржуазное министерство приложило невероятные усилия для того, чтобы поднять стоимость франка, и добились того, что франк стал стоить не 10, а 8 копеек.

Высшее жалование это 3000 франков, но его получают только директора банков. Если директор банка получает на наши деньги 240 рублей, то рядовой служащий получает около 700—800 франков, т.-е. около 60 рублей.

Даже при парижской дешовке на это жалованье немислимо жить, тем более, что громадная часть бюджета уходит на квартиру, которая при переполнении Парижа иностранцами, стоит очень дорого.

Правительство настолько растерялось, что по-полняет казну какими угодно доходами. Национальную гордость — знаменитую Эйфелеву башню, где находится наверху военный радиотелеграф, — оно сдало частной автомобильной фирме под рекламу. И с этого чудесного по архитектуре здания ночью светятся электричеством буквы автомобильных реклам.

Это все равно, как если бы мы сдали под уличную рекламу частной торговле стены картинных галлерей и музеев или памятников старины.

Париж переполнен иностранцами. Тут очень много американцев, которые приезжают в Париж специально для развлечений. Если на наш рубль вы имеете 12 франков, то на американский доллар, который почти равен двум рублям, вы имеете 24 франка. И благодаря такому несоответствию стоимости денег, американцам кажется в Париже все чуть ли не бесплатным. Они привозят доллары и скупают в Париже все, что можно.

Э м и г р а н т ы

На улицах вы слышите много русской речи. Если вы сели в автомобиль любой фирмы, то вы можете смело обращаться к шоферу по-русски. Это объясняется просто: все шоферы это русские эмигранты — офицеры и белогвардейцы. Но как только они узнают, что вы, хотя и русский, но советский, они не станут с вами разговаривать.

Парижская эмиграция это махровые монархисты, это наши непримиримые враги, готовые на любые убийства и козни против страны Советов.

Специально для них издаются белогвардейские газеты. Из этих газет вы можете узнать, что у нас расстреливают людей прямо на улицах и площадях, что в Москве все молоко отравлено. А то вдруг напишут, что на Украине пылает зарево восстаний против большевиков, и что чуть ли не вся Украина отложила от Москвы. И такими вымышленными известиями кормится белогвардейская эмиграция вот уже десять лет.

Здесь смешались в одну кучу и бывшие либеральные кадеты, и члены союза русского народа, и эсеры. Ничего не разберешь в этой зловонной и смрадной куче.

Белогазетные сведения настолько нелепы, что даже французская правая, черносотенная печать никогда не перепечатывает сообщений из белых русских газет. Зато наших московских газет „Известий“, „Правды“, вы не найдете ни у одного газетчика.

Куда не любят ездить автомобили с их белыми шоферами, так это к зданию нашего полпредства.

Самое здание, после нескольких попыток совершить террористические акты (правда, больше над швейцарами и сотрудниками полпредства), тщательно охраняется явной и тайной французской полицией.

Официально она поставлена французской властью для того, чтобы охранять полпредство, но она имеет тайное назначение следить, кто ходит в это здание. Поэтому так боятся белоэмигранты подъехать к зданию. А вдруг их примут за раскаявшихся, желающих вернуться в Москву

и на этом основании исключат из белой эмиграции и, значит, снимут с субсидии¹⁾).

Т е а т р ы

Из посещений парижских театров я вынес такое впечатление, что французский театр стоит невысоко в художественном отношении. На серьезное искусство там мало любителей. Правда, я был в Париже летом, когда театральная жизнь вообще замирает, но из расспросов я узнал, что даже знаменитые французские театры—Опера и Комедия—посещаются, главным образом, иностранцами и остатками старой парижской аристократии.

Буржуазия, особенно новая буржуазия, ходит в эти театры только из-за моды, приезжает на одно действие, чтоб показать свои драгоценности и меха, и исчезает, проводя остаток вечера в театре обозрений.

Эти обозрения (ревю) очень посещаются обывательской публикой. В зрительном зале сидят и курят. На сцене показывают красивых обнаженных актрис. Эти актрисы не только не получают жалованья, но сами приплачивают владельцу театра только за то, чтобы их выпускали в более привлекательном виде, т.-е. более раздетыми на сцену. У каждой такой актрисы есть свой покровитель, который ее содержит, а если актриса хорошо сложена и миловидна, то она и со сцены выловит из зрительного зала себе поклонника.

¹⁾ Субсидия—денежная помощь.

Это, конечно, не актрисы, а особые типы проституток. Уже совершенно неприкрытая торговля женским телом идет в коридорах театра ревю, где эти проститутки набрасываются на вас толпой. Эти женщины тоже платят владельцу театра за право продаваться в театре.

О театрах для рабочих и говорить не приходится. Подлинных рабочих театров во Франции нет, но в Париже возникло общество рабочих театров. Это театры с дешевыми ценами, где ставятся революционные, по мнению либералов-парижан, пьесы.

Нечего и говорить, что ничего подлинно революционного французская цензура не пропустит. Пьесы рабочих театров, охотно посещающихся рабочими и их семьями, в лучшем случае — это либеральные пьесы, направленные против войны, милитаризма, слишком сильной эксплуатации рабочего труда.

Что действительно изумительно в Париже — это старые музеи и картинные галереи. Совершенно невозможно передать того наслаждения, которое охватывает вас при входе в Луврский музей или Национальный музей. Об этих сокровищницах французского искусства надо писать целые книги, так как в двух словах невозможно рассказать обо всем, что там собрано.

Г а з е т ы

Читатель не должен удивляться тому, что владельцы театров так удачно извлекают выгоду из своих театров, эксплуатируя продажных женщин.

Если вы присмотритесь к жизни французских газет, то вы поймете, что и газета в Париже это тоже способ наживать деньги. Номер газеты делается, конечно, не в редакции, а в конторе. Оттуда диктуется:

— Такая-то фирма заплатила, а потому надо ее хвалить.

— Такая-то фирма не дает объявлений, ее надо бранить.

Если есть какой-нибудь документ, оглашение которого будет неприятно какому-нибудь банку, то контора сначала попытается продать документ банку, а если банк не купит, то тогда начинается шантаж ¹⁾ из номера в номер.

Вот маленький пример.

„Матэн“ — самая ходовая черносотенная газета — никак не могла получить объявления от одной фирмы, которая выделывала печи. „Матэн“ два месяца печатала заметки о пожарах, которые возникают в результате этих печей. На страницах газет помещались статьи о вреде этих печей, вымышленные беседы со знатоками, которые сообщали, что от этих печей начинается угар.

Наконец, фирма сдалась и поместила в газете ряд крупных объявлений, заплатив конторе „Матэн“ большие деньги. Тогда сразу вредные заметки исчезли и сменились доброжелательными.

Такое вымогательство денег газетами проводится не только в торговле или промышленности,

¹⁾ Шантаж — вымогательство чего-либо путем обмана, угроз и т. п.

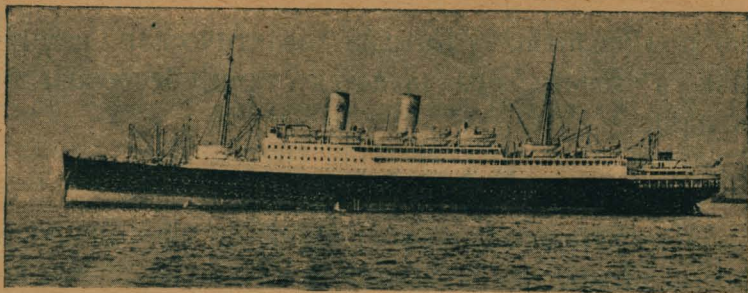
но и в политике. Каждая политическая кампания в газете оплачивается заинтересованными лицами.

Мещанство

По штемпелю визы я пробыл во Франции всего четыре дня и вынес очень беглое впечатление о французах-буржуа. Мне кажется, что они, несмотря на все свое внешнее легкомыслие, по существу люди очень практического склада и мещане до мозга костей. Французский обыватель умеет копить деньги и мечтает под старость иметь свой небольшой домик и огород. Несмотря на внешнюю любезность, французский буржуа в действительности очень себялюбив и мелочен.

Через четыре дня я прибыл в Булонь. Это — торговый порт, на берегу океана. Воздух здесь так пропах соленой рыбой, что этот запах буквально преследует вас. Вас начинает тошнить от него.

В порту стоят военные и торговые суда. Там я сел на немецкий пароход, который шел из Гамбурга в Нью-Йорк. За время этого путешествия мне предстояло девять дней не видеть берега.

Океанский пароход.

Ч Е Р Е З О К Е А Н

Океанский пароход

Если вам приходилось видеть морские пароходы, которые ходят у нас на Черном море из Батума в Одессу, то вы должны увеличить такой пароход в двадцать раз. Но и тогда вы будете иметь неполное представление об океанском пароходе. Даже трудно поверить, что такая машина может двигаться, а движется она очень быстро. Обставлены такие пароходы с исключительным вкусом и удобствами.

Я, конечно, говорю про первый класс, в котором едут фабриканты, священники, крупные биржевики. Для них играет прекрасный струнный оркестр, выпускается радиогазета, даются киносеансы.

В первом классе

На палубе устроен бассейн (водоем) для плавания. Тут же хорошо оборудованные спортивные площадки. В каютах вы найдете все, вплоть до мелочей.

На пароходе масса предупредительной прислуги. Имеются специальные читальни, кабинеты для работ, танцевальные залы. На корме устроен магазин-универмаг, где вы можете достать все, что угодно.

С самого начала на пароходе со мной случилось комическое приключение. Переводчика со мной не было, языка я не знал. Как только я сел в паропод, гонг (звонок) позвал в ресторан к столу. За мной пришел лакей, чтобы проводить меня к моему столику.

Увидев на мне очень приличный берлинский синий костюм, лакей укоризненно покачал головой и объяснил мне, что в таком костюме выходить к столу нельзя.

Мне пришлось открыть чемоданы и показать лакею все мои костюмы. Он, выбрав смокинг (особый вид парадного пиджака), заставил его надеть, и в таком виде я последовал за лакеем. И, действительно, все пассажиры в ресторане были только в смокингах.

Около моего столика, за которым сидел я один, стояли два лакея. Один подавал, другой убирал блюда. Мне подали карточку с расписанием кушаний, и я ткнул пальцем наудачу в нее. Мне подали чашку супу из ракушек. Это мне не понравилось.

Следующий раз я попал пальцем на карточке в лягушку. И, наконец, мне подали огромного морского рака — омара, с которым я справился с большим трудом, предварительно раза два вывалив его себе на платье.

Как я потом узнал, другие русские пассажиры попадали в еще более худшее положение. Один, например, очень проголодался. Когда ему дали две карточки, то он усиленно тыкал пальцем в одну из них. Но лакей, посмотрев, куда попадал палец, уходил и возвращался ни с чем. Так и встал этот путешественник голодным из-за стола.

Что же оказалось? Он указывал не в карточку еды, а в карточку, по которой заказывают ресторанному оркестру то или иное музыкальное произведение. Оркестр честно исполнял заказ, и голодному подали потом громадный счет на оплату заказанных музыкальных номеров.

Все, что я описывал до сих пор, относится к первому классу парохода. Второй класс, где едет публика победнее, обставлен тоже хорошо, но уже не с такими удобствами.

Третий класс

Из первого класса можно пройти во второй, из второго в первый — нельзя.

Третий класс совершенно отгорожен от первых двух и туда пройти нельзя. Я еле вымолил у капитана пропуск в третий класс, чтоб осмотреть его.

Третий класс, полный рабочих и эмигрантов, главным образом, из Германии, разделяется на нумерованный, где есть плохие каюты, и на ненумерованный, где люди просто спят на палубе.

Проспать на воздухе девять дней, считая, что за это время будет и качка, и волны, которые находящихся на палубе обдают с ног до головы, далеко не легко.

Мое путешествие проходило очень спокойно. Погода была тихая и ясная. Теплые ночи сменялись жаркими днями.

А к у л ы

В середине путешествия мы были свидетелями очень редкого зрелища. Пароход наткнулся на стаю играющих на солнце акул. Акулы — это громадная кровожадная рыба, которая раздирает человека, если он попадает на ее острые зубы.

Акул было штук пятьдесят. Они плескались и выпрыгивали из воды, нисколько не пугаясь шума парохода, звуков оркестров и криков пассажиров. Море в том месте, где играла эта стая, сильно волновалось. Когда пароход удалялся от акул, мы еще долго смотрели на них.

Ш т о р м

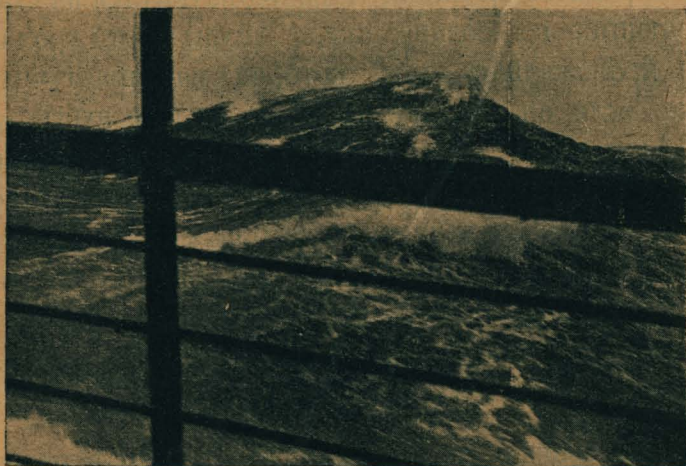
Уже близко от Америки мы попали в полосу шторма (буря на море), и наш громадный пароход стало кидать, как игрушку. Волны перекатывались через палубу.

Трудно даже представить себе, что такое океанская волна. На вас надвигается буквально водяной многоэтажный дом и, разбиваясь о пароход, гребнем окатывает вас, а вся водяная масса проходит под пароходом.

Все предметы на пароходе закрепляются, чтобы они не катались и не падали. Публика разбредается по каютам, потому что там существуют особые койки, устроенные так, что, как бы пароход ни качался, койка неизменно находится в одном и том же горизонтальном (лежащем) положении.

Эти койки очень предохраняют от укачивания и морской болезни. В часы бури пароход представлял из себя пустыню. Но оркестр гремел, киносеанс шел. Только зрителей почти не было.

И вот на девятый день, когда буря уже стихла, перед нами блеснул берег Америки.

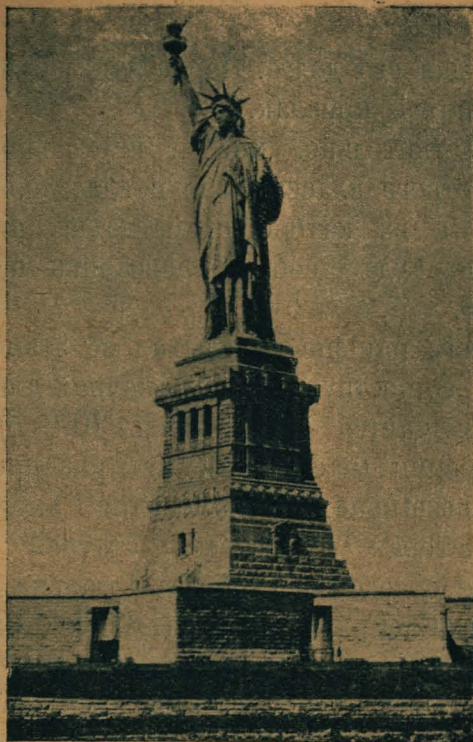

Океанская волна (снято с парохода).

У меня была виза (разрешение) на въезд в Америку. Мне предстояло осмотреть самый большой город Соединенных Штатов — Нью-Йорк, торговый центр — Чикаго и главный город Филадельфии — Сан-Франциско.

Я посмотрел на свои документы и, признаться, радовался, что скоро буду на твердой почве.

Однако, прежде, чем попасть в Америку, мне пришлось познакомиться с тем, что называется на языке американского консула „свободной и демократической“ страной.

Статуя Свободы перед Нью-Йорком.

А М Е Р И К А

Остров Слез

Пароход, не подходя к берегу, остановился на якоре, и к борту подошел катер, на котором прибыла таможенная полиция и береговая жандармерия. С этим же катером приехал переводчик, который должен был показать мне Америку.

Таможенная полиция осмотрела мои вещи, а политическая просмотрела все документы. Всем пассажирам первого класса документы были возвращены для въезда в гавань, а мой паспорт был

взят. Я ждал его долго. Переводчик объяснил мне, что это плохой признак.

И, действительно, мне и нескольким пассажирам третьего класса было предложено не ехать на берег, а на катере отправиться на Остров Слез. Взять туда с собой переводчика мне не было разрешено.

Я ничего раньше не слышал об этом Острове Слез. По существу это пограничная тюрьма, которая помещается на острове. Как бы в виде особой иронии (насмешки), как раз против этой тюрьмы возвышается знаменитая американская статуя, которая называется статуей Свободы. Не плохое соседство: свобода и тюрьма.

Остров Слез крепко охраняется стражей, которая круглые сутки на лодках совершает объезды вокруг острова. По существу это совершенно излишняя предосторожность, потому что, даже бежав из тюрьмы, почти невозможно переплыть громадный залив.

Все же некоторые преимущества, как пассажир первого класса, по сравнению с третьеклассниками, я имел и в тюрьме. Те несли свой багаж сами на себе, мне был предложен носильщик.

В глазах полиции я был и подозрительным пассажиром, как каждый приехавший из страны Советов, из красной Москвы, но я приехал по билету первого класса, который стоит дорого. И это придавало мне некоторое уважение со стороны американцев.

Все двери тюрьмы на Острове Слез охраняются крепко. Уже у первого входа стоят полицейские

вооруженные с ног до головы. Один из них взял мой паспорт, который я нес в руках, и дал мне вместо него номерок, на котором было написано 8. Этот номерок он повесил мне на грудь. Я снял номерок и положил его в карман. Тогда солдат снова залез ко мне в карман, вынул номерок и снова прицепил на мою грудь. Я снова решительно снял его и спрятал в карман. Солдат что-то неодобрительно крикнул мне и, не настаивая больше, протолкнул меня сквозь двери в огромный зал.

В этом зале, где свет падал сверху, было два этажа. Наверху — хоры, а внизу на сундуках сидело человек четыреста людей, самых разных обликов и наречий.

Уже позже я узнал, что, если в Америку с семьей прибывает пассажир, который кажется подозрительным, то полиция никогда не забирает всю семью. Зачем? Прокормить всю семью стоит дорого. Забирают отца или мать, а остальных выпускают на пристань. Все равно они будут ждать задержанного, а ждать приходится не мало. Бывают, и нередко, случаи, что арестованные сидят по два, по три месяца, пока полиция наводит о них справки.

Наверху, на хорах, сделаны кабинки¹⁾, в которых арестованные спят. По утрам и по вечерам в тюрьме играет духовой оркестр религиозные песнопения и псалмы. Раз в день в зал приходят

¹⁾ Кабинки — отгороженные с трех сторон легкой перегородкой; недоходящей до потолка, отделения, в роде купэ в вагоне или каюты на пароходе.

дамы разных благотворительных обществ и читают арестованным религиозные проповеди.

Эти дамы действуют наверняка: прежде всего их слушатели не имеют возможности убежать от проповеди, потому что двери плотно заперты, а, во-вторых, в этом зале так скучно, что даже проповедь и всякий религиозный бред кажется интересным.

Поднимают арестованных рано, часов в шесть. В десять свет выключается, и надо спать. Кормят не очень скверно, но не обильно.

Арестованных удручает полная неизвестность того, что их ждет впереди. Арестанты думают о родных, которые брошены в чужом городе.

Кроме того, арестованные знают, что полиция наводит справки о благонадежности данного лица на родине арестанта. Если ответ будет неблагоприятный, то арестованного сажают на этапный пароход и отправляют обратно на родину, даже не предупредив семью. Поэтому неудивительно, что истерики, особенно с женщинами, которые беспокоятся о своих детях, нервные потрясения бывают ежедневно, и часто эти припадки переходят в настоящее помешательство.

Я тщетно пытался найти кого-либо из администрации. Это было бесполезно. Лишь изредка открывалась дверь, и дежурный солдат выкликал фамилию того или иного арестованного, который уходил за солдатом.

Я громко выругался по-русски. И, действительно, было от чего. Я ехал вполне легально, законно. Мне выдали разрешение. Больше того: у меня

взяли деньги в залог того, что я не застряну в этой проклятой стране, и вдруг меня запирают, как какого-то преступника, и я должен сидеть и ждать своей участи... Брань была русская, отборная. Вдруг, к моей радости, из другого угла, чей-то радостный голос спросил:

— Кто тут русский?

Оказалось, что это какой-то русский беженец, который уже седьмую неделю томится на Острове Слез. Его положение было особенно невеселое, так как он прибыл без паспорта и без разрешения. От этого-то моего невольного спутника я и узнал о всех порядках на Острове Слез.

Через пару часов мне это заключение надоело, и я начал барабанить в стену. Но стены толстые, и никто не откликался.

На мое счастье подали еду, и одна из сестер милосердия, которая раздавала хлеб, оказалась полькой. Кое-как объяснившись с ней, я потребовал, чтобы меня немедленно проводили к самому главному начальнику этой чортовой тюрьмы.

Не думаю, чтобы мои требования подействовали. Вернее всего за меня хлопотали русские, которые были на берегу и знали, что я должен был приехать с этим пароходом.

Но, во всяком случае, самое большее через пять минут после моего разговора с полькой, меня вызвали через караульного на допрос.

Я попал в маленький кабинет, где в таинственных облачениях сидели пятеро судей. Немедленно появился переводчик, белый русский офицер и начался самый свирепый допрос. Я выразил свое

негодование по поводу того, что в этой свободной, как сказал мне американский консул в Берлине, стране задерживают человека, приехавшего совершенно легально (законно).

Судьи задали мне смешные вопросы вроде:

— Зачем я приехал, не собираюсь ли заниматься агитацией среди рабочих или свергать правительство Штатов?

Я отвечал, стараясь сохранить спокойствие, полушутливо, вроде того, что неужели судьи такого плохого мнения о своем правительстве, что предполагают, будто один иностранец может за две недели свергнуть их правительство.

После ряда таких ответов судьи, видимо, успокоились и задали самый важный вопрос: не коммунист ли я?

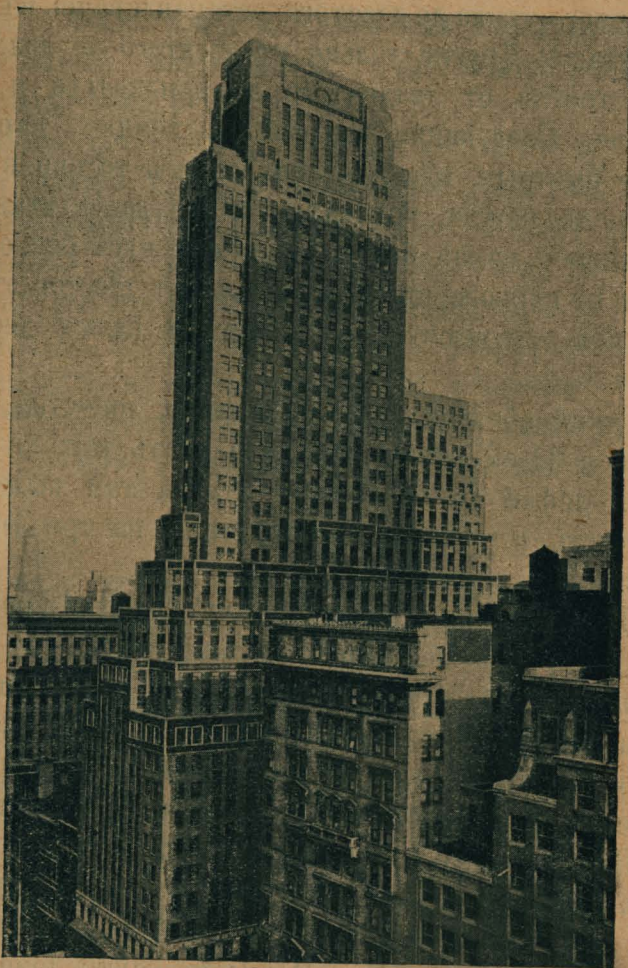
Успокоившись и на этот счет, они взяли с меня подписку, что я за эти две недели не буду распространять русской литературы, заниматься пропагандой и что через две недели я уеду.

Я дал эту подписку, и мне было очень любезно заявлено, что я свободен и могу ехать в Нью-Йорк. На маленьком катере, нагруженном моими чемоданами, я отбыл в город. Надо отдать справедливость, что после этого ареста американская полиция меня больше ни разу не беспокоила.

Н е б о с к р е б ы

Нью-Йорк лежит на острове, вокруг которого вы можете прокатиться на парходике. Как только я попал в город, я, буквально, остолбенел. Прежде всего меня поразили дома. Надо сказать, что

обычная высота нью-йоркского дома это от тридцати до сорока этажей. Первые моменты я каждую минуту поднимал голову, чтобы сосчитать этажи.

Небоскреб в Нью-Йорке.

Чтобы отучить меня от этой скверной привычки, мой переводчик сразу потащил меня в самый

высокий дом во всей Америке. Это здание, которое имеет не больше, не меньше, как 56 этажей.

В этом доме самая сложная система лифтов (подъемных машин). Одни машины ходят только от первого этажа до десятого, останавливаясь в каждом этаже. Другие только от десятого до двадцатого, третьи от двадцатого до тридцатого и так дальше. Следующая партия подъемных машин, более быстрых, идет, останавливаясь только в десятом, двадцатом, тридцатом и так далее этажах. И, наконец, самая быстрая машина идет без остановок от первого прямо на пятьдесят шестой этаж, при чем эту высоту она берет за целых десять минут.

Таким образом, если вы хотите, допустим, попасть в 37-ой этаж, вам надо ехать так: на быстром лифте до сорокового этажа, там вылезти, пересечь в тихход и спуститься на три этажа вниз.

Этот дом принадлежит богачу, который прежде, чем построить небоскреб, нажил деньги на так называемых базарах. Базары — это особые магазины, где все вещи стоят одинаково. В одном из них все вещи стоят доллар (два рубля). За доллар вы можете купить себе самые разнообразные предметы.

Нажив деньги на таком базаре, этот миллиардер вложил деньги в 56-этажную машину. Правда, этот дом самый высокий, но, как правило, ниже двадцати этажей в Нью-Йорке не найти домов.

Последнее время инженеры подняли вопль по поводу таких высоких построек, утверждая, что почва Нью-Йорка оседает под такой тяжестью.

В результате этой шумихи последний городской закон запретил строить дома выше 25-этажей, что привело к приостановке всякого строительства. Ключок земли стоит в Нью-Йорке так дорого, что 25-этажный небоскреб не оправдывает расходов по своей постройке.

В многоэтажных домах-небоскребах очень темно, хотя улицы широки. Солнечный свет попадает только в верхние этажи, которые поэтому расцениваются дороже. Как на любопытный пример, можно указать на то, что два градусника, из которых один поставлен на первом этаже, а другой на сороковом, часто показывают совершенно разную температуру. Верхние этажи нагреваются солнцем, в нижних этажах летом холодно, как в подвале.

Уличное движение

После небоскребов я был поражен уличным движением. Разница между движением в Москве и в самой заброшенной нашей деревне меньшая, чем между американской и московской уличной суетой. Прежде всего улицы Нью-Йорка очень широкие. Все они расположены прямо, как по линейке: ряд улиц, идущих параллельно ¹⁾ друг другу (эти улицы называются стритами), пересекаются через ровные промежутки рядом перпендикулярных ²⁾ улиц (авеню).

Как стриты, так и авеню, разбивающие город на совершенно правильные квадраты, не имеют

¹⁾ Параллельно—рядом друг с другом, в одном направлении.

²⁾ Перпендикулярный—перекрещивающийся под прямым углом.

отдельных названий и отличаются друг от друга только нумерацией: первое авеню, третье авеню, сто сороковое авеню и так далее; пятый стрит сотый стрит и т. д. Благодаря такому порядку, даже не знающему город очень легко найти любое место.

Движение на улицах совершенно исключительное. Лошадей, конечно, нет и в помине. Автомобили тянутся сплошной вереницей, и перейти улицу нельзя. Для регулирования (направления) всего движения на перекрестках на довольно большом расстоянии друг от друга стоят будки с электрической сигнализацией.

В такой будке сидит электромеханик. По знаку полицейского электромеханик зажигает красный свет в сигнальном прожекторе, и сразу все движение по стритам замирает. Зато бешено несутся машины, автомобили, трамваи, автобусы по авеню. На стритах замирает все: даже пешеходы останавливаются на перекрестках.

Минуты через три электромеханик меняет красный сигнал на желтый. На стритах шоферы приготавливаются ехать дальше, а на авеню начинают тормозить машину. Через три минуты после желтого вспыхивает зеленый прожектор, и всякое движение на авеню останавливается, а на стритах, наоборот, возобновляется.

Перейти улицу не на перекрестке во время движения, конечно, совершенно невозможно. Даже мальчишки - газетчики, которые продают свежие номера газет, чуть-ли не под колесами машин, и те не рискуют на такой переход.

Первое время я долго злился. Стою на одной стороне улицы, у дома № 5. Через улицу мне

Главная улица Нью-Йорка.

виден дом № 6, куда мне надо попасть. Кажется близко, но пересечь улицу нельзя, и я вынужден

двинуться в обход: дойти до угла, там пересечь мостовую, пересечь ее прямо, а никак не наискось. Только тогда попадешь на тротуар, по которому можно добраться до давно виденного дома № 6. Тратишь на это дело добрых десять минут, да еще стоишь на перекрестках под красным прожектором минуты по три.

Впрочем, вскоре я понял систему улиц и домов и уже не плутал. Я прекрасно понимал, что без такого строго организованного порядка каждый человек рисковал бы, выйдя на улицу, немедленно превратиться в лепешку под колесами автомобиля.

И в самом деле, если учесть размеры движения на улицах, то в Нью-Йорке гораздо меньше несчастных случаев, чем у нас. И подавляющее количество уличных жертв падает на долю крестьян-фермеров, приехавших по своим делам в столицу, и иностранцев, не знающих правил. Коренные жители почти не попадают в число этих жертв.

Но напрасно было бы думать, что только на тротуарах и на мостовой так кипит движение. Под вашими ногами, буквально, гудит почва. Это под землей носятся поезда подземной дороги, которые перебрасывают людей из одного конца города в другой. Около входов под землю толпы народа.

Над вами тоже шум и визг. Это проносится по рельсам особая надземная электрическая дорога. Ее рельсы укреплены на столбах. Несется она стремительно, и первое время мне было не по себе мчаться в этих вагонах, глядя, как мелькают высокие этажи домов около самого вагона. (см. рис. стр. 63.)

Но без этого надземного и подземного движения улицы были бы так забиты автомобилями, что всякое регулирование движения стало бы невозможным.

Подземная дорога.

Сухой закон

Вас поражает в Америке полное отсутствие на улицах пьяных. В Америке введен так называемый сухой закон, по которому продажа всех спиртных напитков, крепче одного градуса, запрещена.

Любители выпить могут доставать вино только на немецких пароходах, которые стоят в гавани. Нельзя сказать, чтобы американцы этим не пользовались, но они не злоупотребляют. Во всяком случае пьяный американец не рискнет показаться на улице. Его не оштрафуют, но будут таскать по полицейским участкам так долго, что американец,

очень дорого ценящий свое время, проклянет тот час, когда он показался на улице нетрезвым.

„Время—деньги“

Умение пользоваться временем у американца поражает так же, как у немца любовь к чистоте.

Как мы, русские, назначаем время?

— Я приду к тебе между часом и двумя.

Американец говорит ясно и точно:

— Я буду у вас в семь минут второго.

И вы можете быть уверены, что ровно в указанное время к вам в дверь раздастся стук. За все время только один раз человек, назначивший мне встречу, опоздал на две минуты. И это был русский, правда, проживший в Америке уже шесть лет. Настоящий американец ни за что не опоздает. Он привык ценить время и свое, и чужое.

Именно благодаря такой точности, когда ровно в девять часов с грохотом открываются двери всех магазинов, а в определенный час они так же точно закрываются, вы можете рассчитать свое время до минуты.

Сколько времени мы тратим в магазине на покупку любого предмета? В Америке все механизировано. В окнах стоят (возьмем обувной магазин) образцы товара с ценами. Вы подходите к автомату (машине), опускаете требуемую сумму. Машина сама выдает вам чек на получение товара. С чеком вы подходите к продавцу, который заворачивает вам товар. Вы не тратите времени ни на выбор товара, ни на очередь у кассы, ни на переговоры с продавцом.

В парикмахерской вас бреет и стрижет электрическая машина и электрическая бритва. Как характерный случай, я позволю себе рассказать следующее.

Американские зубные врачи очень не любят лечить и пломбировать зубы. Они говорят, что это долго и непрактично. Запломбированный зуб это уже больной и непрочный. Проще выдернуть и вставить новый.

Надземная электрическая дорога.

И вот к такому врачу попал русский, у которого оказались не в порядке три зуба. Он испугался дерганья и стал просить врача запломбировать ему эти три зуба. Тот долго отказывался, потом, сообразив, сколько это отнимет времени, назначил такую сумму, что русский испугался и согласился на дерганье, но попросил врача дергать не сейчас, а завтра.

Врач согласился и попросил только примерить инструменты, чтоб не возиться завтра.

На больного врач надел шлем, потом повернул сначала один электрический выключатель, потом другой и через десять секунд отпустил посетителя. Больной спросил, когда притти завтра и не будет ли больно. В ответ на эти вопросы доктор показал три вырванных зуба. Оказывается, первый выключатель автоматически умертвил чувствительность зуба к боли, а второй — повернул щипцы и выдернул зубы. Больной даже не заметил этого.

Я теперь всегда рассказываю об этом случае тем зубным врачам у нас, в СССР, которые месяцами залечивают больной зуб.

Американец горд своей аккуратностью, и в Америке часто звучит фраза, которую надо бы выучить и у нас:

— Я слишком занят и потому не имею времени опаздывать.

Если бы американца заставить подождать по канцеляриям, как у нас, он бы взбеленился и бросил работу. И американец действительно умеет работать. Это совершенно необычайный мастер выдумать дело, претворить его в жизнь и заработать на этом деньги.

Уменье делать дела

В Америке нет отрасли, которая не была бы наполнена изобретениями, и тем не менее ежедневно находятся новые и новые изобретатели. Все не надо изобрести что-либо особенное. До-

статочно придумать маленькую, но нужную деталь ¹⁾, какое-нибудь небольшое усовершенствование в чем-либо, взять на него патент, и дальше деньги сами текут в карман.

Если изобретатель не имеет сам денег для изготовления и продажи или применения своего изобретения, то он или продаст свое изобретение богачу или, если он умнее, вступит с ним в компанию. Достаточно сказать, что человек, который изобрел лезвия для самобреющей бритвы, дал возможность лицу, купившему этот патент, нажать свыше сорока миллионов в первые три года.

Самопишущая ручка только теперь дает настоящий доход ее изобретателю. И замечательно, что изобретение американца может быть не особенно ново, но оно обязательно практично и остроумно.

С а м о у б и й ц ы

Что поражает вас в этом громадном городе — это громадный процент самоубийц. Это и неудивительно: до сих пор из других стран в Америку тянутся люди, надеясь на легкую наживу. В Америке можно нажать деньги, но для этого надо стать американцем с ног до головы; кроме того, человек должен обладать бешеной энергией и практической сметкой. А с этими качествами человек не пропадет в любой стране.

И вот слабые люди, попавшие в эту американскую сутолоку, быстро проживают свои небольшие деньги, с которыми они приехали искать

¹⁾ Деталь — маленькая часть чего-либо. мелочь. подробность.

счастья, и потом им не остается ничего иного, как пустить пулю в висок.

Из американцев стреляются только мелкие спекулянты, которые прогорают на несудачной афере ¹⁾. Крупный биржевик всегда выберется на поверхность.

Америка буквально задыхается от избытка золота в стране. Доллар стоит по курсу очень хорошо, но изобилие денег (не бумажных, а золотых) обесценивает золото и потому цены вздуваются.

В Америке сейчас цены на все предметы раза в два с половиной выше, чем у нас в Москве. Квалифицированный рабочий или служащий, получающий в неделю 15 долларов (около 30 руб.), буквально голодает.

Р е к л а м а

Для американского обывателя устроены грандиозные электрические витрины, которые своими прожекторами ночью так освещают верхние этажи домов, что там светлее, чем днем.

Для этого обывателя, например, устроен колоссальный электрический водопад рекламного свойства, при чем получается полное впечатление, что течет настоящая вода с верхнего этажа небоскреба и вдруг куда-то пропадает около нижних этажей. Кстати сказать, эта рекламная штука стоит около 10.000 рублей в день.

Для обывателя же имеются грандиозные кинематографы, которые вмещают до 10.000 человек одновременно.

¹⁾ Афера — спекулятивное жульничество.

Реклама в Америке дикая, для нас совершенно неприемлемая, но, конечно, поражающая. При мне покончил самоубийством один американец. В газетах были громадные статьи об этой смерти. И между этими статьями большое объявление:

„Покойный скончался быстро и немучительно, потому что он застрелился из револьвера нашей фирмы. Покупайте револьверы только у нас“.

Известно, что одна из фирм подтяжек обратилась к американскому президенту с предложением громадных денег за то, чтобы президент, говоря речь на предвыборном митинге, так отвернул свой пиджак, чтобы публика могла прочесть фирму подтяжек, которые носит президент.

Пет такого шума, который не использовал бы коммерсант в Нью-Йорке для рекламы.

С п о р ы

Так же, как рекламу, американец любит спорить. Представьте себе зал суда, где идет разбор какого-либо дела. И вдруг раздается из публики голос:

— Алло! Держу десять долларов за то, что...

Это публика, поджидающая разбор своего дела, держит пари (спорит): будет ли подсудимый оправдан или обвинен, и, если обвинен, то к какому наказанию его приговорят.

Я попал в Америку как раз во время первой отсрочки казни Сакко и Ванцетти и во время их голодовки.

И вот во всех вагонах, трамваях, на улицах слышались споры (и на-большую сумму), на кото-

— 00 —

рый день несчастные прекратят голодовку. Я все время удивлялся, почему на улицах Нью-Йорка совсем не видно полиции, кроме тех полицейских, что стоят на вышках. Оказалось, что полиция держится, главным образом, в резервах на случай рабочей демонстрации и митингов.

Как-то я ехал на машине по городу. Вдруг перед самым носом машины прошла толпа демонстрантов. Движение спуталось и остановилось. Это был митинг протеста против ожидавшейся казни Сакко и Ванцетти. Я хотел пробраться на митинг, но стоило пройти последнему демонстранту, как площадь, где начинался митинг, оказался в тесном кольце полиции. Тут были и пешие, и автомобильные и мотоциклетные полицейские. Около них суетились и бегали полицейские в штатском платье.

Митинг был немедленно изолирован (отгорожен) от всей остальной публики, и полицейские внушительными дубинками отбивали охоту у каждого присоединиться к демонстрации.

Сигнал погнал машины, и все время, пока шел митинг, ни разу движение по соседней улице не остановилось, а по улице, идущей к площади, не возобновилось. Пробраться на митинг было невысказано. На другой день из газет я узнал, что эта пятнадцатитысячная толпа накапливалась на окраине и прорвалась оттуда.

Г а з е т ы

Кстати, об американских газетах.

Вы были бы более, чем удивлены, если бы увидели эту газету. Она имеет в будничные день

около сорока страниц (иногда два и три выпуска), а по праздникам она достигает ста страниц.

Тут и реклама, и статьи по всем вопросам. Тут же в неделю печатается громадный роман, а иногда сразу несколько.

Тут материал для всех слоев обывателя: для биржевиков тут цены; для фабрикантов и торговцев — планы промышленности и торговли, обзор рынков; для любителей сильных происшествий хорошо поставленная хроника; для дам — моды; для интеллигенции — библиография, книжные новинки, романы, ноты... Словом, нет такой отрасли, которой газета не касалась бы. И только рабочий вопрос, вопрос заработной платы, безработицы, эксплуатации рабочих в этих газетах замалчивается.

Для рабочих есть также печать, издаваемая, главным образом, социал-соглашателями, где эти господа поют во славу американского капитала. Коммунистическая печать очень бедна.

Для того, чтобы вы имели представление, как быстро работает американская газета, я расскажу следующий случай.

Впервые в Америке меня снимали репортеры (газетные работники) и беседовали со мной на пароходе, пока я ждал паспорта. Газетчики приехали на катере с полицией. А к моменту моего возвращения с Острова Слез, т.-е. через три часа, в вечерних выпусках газет уже были мои портреты со статьями и заметками, что я нахожусь в данный момент на Острове Слез.

Клуб банкиров

В Нью-Йорке же мне удалось, благодаря заботам моих проводников, осмотреть два учреждения, куда обычные смертные не проникают. Первое — это знаменитый клуб банкиров.

Для того, чтоб не толкаться с прочими смертными на бирже, куда пускают всех, где каждый буржуа может занимать телефоны и маклеров наравне с подлинным богачом-миллиардером, эти банкиры-миллиардеры устроили свой клуб.

Этот клуб бывает открыт только с 10 утра до 2 часов дня. Больше времени банкир не может посвятить бирже.

Клуб обставлен довольно скромно, хотя уютно. Пускают туда только по особой рекомендации.

Стоят столики с телефонами и радиоаппаратами. На стене полотно, на котором время от времени появляются торговые сообщения.

— В Марселе (Франция) продается такая-то партия рыбы по такой-то цене, такие-то условия расплаты.

Если кого-либо из присутствующих эта партия интересует, он берет трубку, говорит пару слов. И через десять минут объявление о рыбе исчезает. Это значит, что банкир уже купил ее или, спешись по телефону со своим уполномоченным, или просто радиogramмой в Марсель.

Иногда бывает так, что предложенная партия товара не только не исчезает, но начинает быстро расти в цене. Что это значит? Если вы посмотрите в зал, то увидите, что два банкира дают распо-

ряжения и от их конкуренции на месте, где продается товар, за тысячи верст от Нью-Йорка, поднимаются цены.

Из Нью-Йорка диктуют цены всем рынкам на все товары. И только, если данная партия не покупается в этом клубе, она пускается уже на обыкновенную биржу. В два часа банкиры выходят, садятся в свои машины и, мирно попрощавшись, разъезжаются по своим домам.

Дома миллиардеров, банкиров и королей угля, стали, свиней и т. д. все собраны в одном квартале, куда почти не пускают обыкновенные автомобили, чтобы не было шума.

Здесь значительно больше полиции, чем в других местах. Здесь даже разбиты скверы, на которые, из-за дороговизны земли, так скуп Нью-Йорк. Здесь нет небоскребов в сорок этажей, а стоят маленькие особняки. Жить в особняке считается особенным шиком. Это и понятно: дом не дает дохода, а земля стоит здесь дороже, чем в других частях города.

Сейф Моргана

Кроме клуба миллионеров, я попал для осмотра в личный сейф мистера Моргана, чуть ли не самого богатого человека в мире.

Этот сейф представляет собой громадную комнату, стены которой сделаны из стали толщиной в добрую сажень.

Мы подходим с проводником и с секретарем Моргана к двери. Секретарь с улыбкой передает мне ключи и просит открыть дверь. Печего и

говорить, что моя попытка ничем не кончается. Дверь не открывается.

Тогда секретарь смотрит на часы и говорит то слово, буквы которого составляют секрет замка: надо ключи вставить особым порядком. Мы вставляем, но замок снова не отпирается. Секретарь смотрит на часы, улыбаясь, говорит:

— Через 20 секунд.

И через двадцать секунд действительно отпирает дверь, не меняя ключей. Здесь особый секрет замка. Данное расположение ключей открывает механизм замка только в определенную минуту. В другое время это слово не действует. Нечего и говорить, что для полной тайны слова меняются ежедневно. Таким образом, для каждого часа имеется шестьдесят разных слов. Секретарь снова запирает дверь и говорит:

— Теперь представим себе, что механизм испортился.

Он водит рукою по гладким стенам, нажимает какой-то неуловимый винтик, которого потом нельзя найти, и в стене распахивается другая дверь, потайная.

Секретарь показывает внутренность сейфа. Там только металлический стол с таким же стулом, и по стенам ящики с драгоценностями.

Мы хотим войти, но секретарь удерживает нас и бросает перед собой кусок скомканной бумаги. Бумага в одну секунду начинает тлеть. Оказывается, что, помимо замка с секретами, Морган обезопасил себя тем, что по полу и по внутренней стороне стены проходит сильный электриче-

ский ток, который испепелит в секунду каждого, кто проникнет в сейф тайком, сумев отпереть замок.

На случай, если бы ток перестал действовать, в сейф тотчас же автоматически включается водопровод, и вода в полторы минуты заполняет сейф до потолка. Оказывается, что миллиардеры в Нью-Йорке умеют не только накапливать деньги, но и хранить их.

Железная дорога через озеро

Чикаго — торговый город. Здесь дома немножко пониже, чем в Нью-Йорке, но в общем это такой же город, как и Нью-Йорк.

Из Чикаго я поехал на поезде в Сан-Франциско.

Замечательно, что в Америке при сравнительно больших пространствах совершенно не развито воздушное сообщение. Государственных аэролиний (воздушных сообщений) там нет. Частных аэропланов очень мало. И полет на этих аэропланах стоит так дорого, что летать могут только миллиардеры.

Езды от Чикаго до Сан-Франциско двое с половиной суток. Поезд летит, как сумасшедший, останавливаясь раз в шесть часов, не чаще. В поезде есть радио для срочных телеграмм, кино и прочие удобства.

За полсутки до приезда в Сан-Франциско я изрядно испугался. На пути железной дороги лежит озеро. Оно настолько велико, что поезд, мчась со скоростью ста верст в час, только за час с четвертью проходит это озеро.

Американцы сосчитали, что вести линию дороги в обход озера — это значит не только истратить много денег, но и потом терять также очень

Чикаго ночью.

много на перевозке грузов и на переездах (объездной путь удлинял бы длину дороги на двенадцать часов).

И они поступили чисто по-американски: они сделали насыпь прямо через озеро, не считаясь с расходами.

И вот по этой узкой насыпи, не сбавляя скорости, летит поезд-экспресс. Волны плещутся почти в окна вагонов. Берегов не видно.

Ужас овладел мною, когда я увидал, как на встречу нашему поезду по этой одноколейной дороге мчится другой поезд с такой же скоростью. Мне казалось, что гибель неизбежна.

Оказалось, что на некоторых местах насыпь расширена и сделана ветка для разъездов. Самое замечательное, что ни один из двух поездов не сбавляет хода и не ждет друг друга на разъезде. Они подходят по-американски, с точностью до одной секунды, и, пыхтя, влетают на разъезд и проносятся мимо.

Машинистам и в голову не придет, что один из двух поездов может опоздать, хотя бы на пару секунд, и что тогда столкновение неизбежно. Теперь насыпь уже начинают расширять и прокладывать второй путь во всю длину озера специально для того, чтоб усилить пропускную способность этой железной дороги.

Состязание аэропланов

Когда я приехал в Сан-Франциско, то мне показалось, что это совсем мертвый город, и я даже пожалел, что приехал сюда из кипучего Чикаго. По оказалось, что эта тишина объясняется просто: в этот день должны были быть аэропланские гонки, и все население покинуло город и отправилось на аэродром, который лежит по ту сторону залива.

Я тоже отправился туда. Через час должен был начаться перелет Сан-Франциско—Гонолулу.

Гонолулу лежит на островах, далеко от Америки, в Тихом океане.

Любопытные съехались на состязание со всех концов Америки. Приезжие жили прямо в автомобилях вместе со своими семьями, так как в городе нехватало помещений.

От самого перелета у меня осталось довольно грустное впечатление. Должны были лететь девять аэропланов. Из них первый же, сделав один круг, вернулся обратно, так как оказалась не в порядке машина. Второй последовал за первым с той только разницей, что сделалось дурно пассажирке, которая летела. Отдышавшись, пассажирка села снова в аэроплан, и он улетел.

Постоящие результаты состязания таковы. Один отказался вообще лететь, так как не было газолитина. Два полетали и вернулись обратно, так как машина работала с перебоем.

Два улетели и разбились близко от Сан-Франциско. Два попортились в пути, упали в море и утонули. Среди них и тот аэроплан, на котором летела пассажирка.

За этими аэропланами были отправлены военные пароходы и подводные лодки. За розыск моторов и тел утонувших были обещаны большие суммы, но миноносцы и подводные лодки нашли только поломанные куски крыльев самолетов.

Таким образом, из девяти только два аэроплана долетели до Гонолулу.

Если принять во внимание блестяще развитую технику Америки и сравнить эти печальные результаты перелета с каждодневными полетами

в Германии, Франции и СССР, то сравнение будет далеко не в пользу Америки.

Чем объяснить такую отсталость Америки в деле авиации, я, право, не знаю.

О цветных людях

В северной Америке мне не приходилось наткаться на зверское отношение американцев к цветным народам. В Нью-Йорке имеются специальные кварталы, где живут китайцы (торговцы) и негры (грузчики). Там грязнее, чем в остальной части города, но и китайцы и негры имеют наравне с белыми доступ во все места.

В Южной Америке до сих пор на негра смотрят, как на низшее племя. Там негр не имеет права ехать в мягком вагоне, его не пускают в театр иначе, как на специальный спектакль (только для негров).

Но это я передаю уже со слов товарищей, которые там побывали.

Снова на пароходе

Ровно через две недели, не свергнув правительства Соединенных Штатов, я поехал на американском пароходе через Тихий океан в Японию. Этот пароход ничем не отличался от того немецкого, на котором я приехал в Нью-Йорк, разве только он немного погрязнее, и на нем не было вин и водки.

За поездку в Тихом океане мне удалось наблюдать целые стаи летающих рыб, которые выпрыгивают из воды и летают довольно долго по

воздуху, попадая на палубу парохода. Это довольно крупные и очень красивые по раскраске рыбы, которые годятся в пищу.

По ночам мы видели, как светится фосфорическим блеском море. Это очень красиво, но скоро надоедает.

Погода стояла невыносимо жаркая, и только ночью можно было гулять по палубе, днем же приходилось прятаться в тень каюты или сидеть под душем. На этом пароходе со мной произошла странная история, истинного смысла которой я не могу разгадать до сих пор.

Я стоял на палубе. Вдруг сбоку раздается голос, называющий мою фамилию. Я хотел обернуться, но тот же голос, по-русски, попросил меня этого не делать и повел тайком со мной беседу.

Говоривший, по его словам, был беженец из России, где у него остались родители, в Полтавской губернии. Он хотел бы и сам вернуться в СССР, но не может никак получить визы. Попал он на пароход из Америки, а в Америку бежал из Германии, где был в плену со времен империалистической войны. Как трюмовой матрос, он не имеет права показываться на палубе, но, узнав, что едет русский, он все же пробрался на палубу, чтобы попросить меня переслать из Москвы его письмо к родным.

Когда я согласился, мой собеседник попросил снабдить его современной русской литературой. Тут я заподозрил провокацию и согласился сделать это на японском берегу, боясь, что, дав литературу на американском пароходе, я тем самым на-

рушу данную мною подписку о неведении пропаганды на американской территории. Американский пароход и его палуба могли рассматриваться, как земля Америки.

Нарушив это обещание, я мог бы попасть в очень скверную историю включительно до возвращения меня обратно на Остров Слез.

Итак, я уговорился с моим просителем, что я жду его на пристани в Йокагаме, японском городе.

Однако, я прождал его совершенно напрасно целый час. Пароход разгрузился, пассажиры и команда сошли на берег, но матрос так и не появился. Трудно сказать, был ли это подсланный шпион или действительно беженец, арестованный после беседы со мной.

Театр Кабуки в Токио, отстроенный после землетрясения.

Я П О Н И Я

Городские улицы

Я высадился в Иокагаме. Это в сущности предместье столицы Японии—Токио. Когда оба города будут восстановлены после землетрясения окончательно, то по строительному плану они сольются в один. Пока между ними ходит железная дорога (минут 20 езды).

Япония очень усиленно отстраивается после разрушений от землетрясения. Разрушения эти, если судить по количеству новых построек, были грандиозны.

Попасть после Америки в Японию — это значит попасть из городского водоворота в провинцию. Узенькие улицы. На многих из них не могут разъехаться два автомобиля и с трудом расходятся четыре человека. Улицы кривы и извилисты. Вместо торцовых, гранитных или асфальто-

вых мостовых, — улицы, посыпанные гравием, мелким камнем.

После небоскребов, подпирающих небо, — крохотные домики, в лучшем случае двухэтажные, а обычно одноэтажные.

Улица в Токио.

Вместо стекол, окна завешены бумагой. Климат Японии очень ровный, и хотя там бывает снег, но он скоро тает. Зима там дождливая. Но японцы не вставляют окон, а только теплее укутываются в свои халаты-кимоно. Лошадей не видно. На улицах видны либо автомобили, либо рикши.

Р и к ш и

Рикши это — люди - лошади. Рикша наподобие лошади впрягается в маленькую и легкую одноместную коляску. Вы нанимаете рикшу, и он бежит, как заправская лошадь. Побежит трусцой минут десять, потом пойдет шагом, потом опять затрусит. Так он может везти вас больше часа

Рикши нужны в Японии, потому что они дешевле автомобилей и, кроме того, они проезжают по тем узким улицам, по которым автомобиль проехать не может.

Мне было очень неловко ехать на человеке и, кроме того, раздражала после Америки медлительность. Медленно катится коляска и потеет перед вами человек, изредка оглядываясь на вас с неизменной улыбкой.

Японцы не стесняются с рикшами, и, когда, по мнению седока, рикша везет слишком медленно, седок дает рикше здоровенный пинок, после чего рикша сразу прибавляет ходу.

Напрасно было бы думать, что в рикши поступают только окончательно опустившиеся бедняки. Часто рикшами делаются студенты; извозным промыслом они добывают деньги на жизнь и ученье.

Берет такой рикша одну иену (меньше рубля) за час.

Ш п и о н

На пристани меня встретил переводчик. Мы сели на двух рикшей и поехали на вокзал, чтобы отправиться в Токио. На пристани же около переводчика все время вертелся какой-то очень улыбающийся японец. Я принял его за друга переводчика, а переводчик, очевидно, за моего знакомого. В результате, когда наши коляски ехали вместе, почти рядом катилась третья коляска с этим японцем.

Сел он с нами в одно купэ в поезде и также ласково улыбался, слушая нашу русскую беседу и, видимо, что-то понимая по-русски.

Приехав в Токио, мы сели в автомобиль, так как я решительно отказался дальше ездить на людях. Смотрим, и японец, попрежнему улыбаясь, всрыгнул в наш автомобиль и сел рядом с шофером.

Я, наконец, не выдержал и обратился к переводчику с предложением пересадить его друга внутрь автомобиля. Тут выяснилось, что ни я, ни переводчик не знаем этого японца. Тогда мы с переводчиком предложили ему слезть.

Но таинственный спутник неизбежно улыбался и не обращал никакого внимания ни на слова переводчика, ни на мое недовольное лицо и движения рук, которыми я старался объяснить с ним.

Мы обратились к шоферу и узнали, что это тайный агент полиции, который по японским законам имеет право сесть в любой экипаж любого гражданина, зайти в любую квартиру и пребывать там, пока найдет нужным.

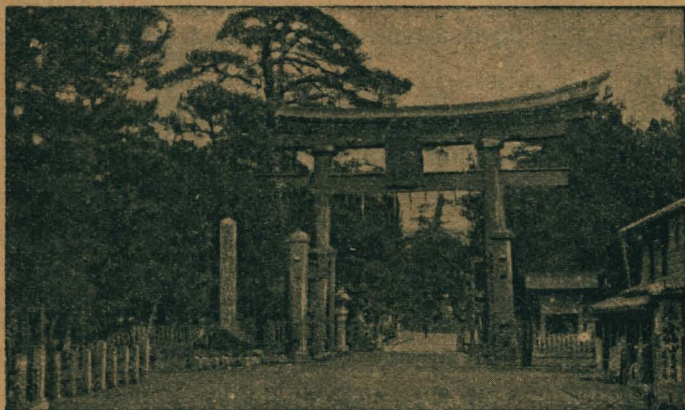
Все так же улыбаясь, агент еле заметными кивками головы подтверждал слова шофера. Пришлось подчиниться японским законам. Проводив нас до гостиницы, полицейский агент вежливо раскланялся и, убедившись, что я остановился именно в этой гостинице, исчез. Больше я его не видал.

Две культуры

Токио производит впечатление города где, столкнулись две культуры с их особенностями.

С одной стороны, культура американцев, с их любовью к работе, техническими усовершенство-

ваниями, с другой, — восточная, с ее ленью, медлительностью, религиозностью.

Старинные ворота перед языческим храмом в Японии.

Как-то странно видеть рядом автомобиль и рикшу, радио и одноэтажный домик.

Отношение к другим нациям

К американцам японцы относятся с очень большим почтением и видимо боятся их. Влияние американцев огромное.

Об СССР — представление слабое. Вестями из Москвы японцы интересуются и не так боятся советских граждан, как Америка и Франция. К кому японец относится с совершенно нескрываемым презрением, так это к Китаю и к китайцам.

По словам даже свободомыслящих кругов, в Китае сейчас нет никакой революции.

Конечно, заявляя так, они сами себя утешают, так как китайская революция непосредственно

угрожает Японии Китайскую революцию, в которую втянуты миллионные китайские массы, они стараются представить, как борьбу генералов за власть.

Все буржуазные японские листки стараются очернить в глазах японских масс революционные китайские войска, пытаясь их изобразить, как сборище наемных солдат. Конечно, все эти сообщения о китайской революции лживы, и японская рабочая масса им не верит.

Даже про лагерь черносотенного генерала Чжан-Цзо-Лина, которому покровительствует буржуазная Япония, мне пришлось слышать далеко не лестные отзывы и рассказы. По эти рассказы отличаются все же большей достоверностью и рисуют банды черносотенного генерала в очень невыгодном свете.

Солдат армии Чжан-Цзо-Лина получает 50 патронов на день. По истечении суток каждый обязан сдать пустые гильзы. Солдаты в этой армии империалистов воюют действительно так неохотно, что расстреливают в воздух эти пятьдесят патронов в первые два часа, а потом сидят, болтают, курят трубки и не стреляют.

Землетрясение

Хотя дома в Японии воздвигаются, но землетрясение еще не вполне ликвидировано. Все время бывают более или менее слабые толчки. За время моего пребывания в Японии я ощущал три раза толчки более сильные, чем обычно, но местные жители не обращают на них никакого внимания.

И о ш и в а р а

Несмотря на внешнюю культуру, в японском обывателе сохранилось еще очень много дикости и некультурности прошлых веков. Токийцы, например, с гордостью показывали мне Иошивару. Иошивара — это громадный квартал, где сосредоточены все публичные дома и около двухсот тысяч проституток.

Японцы очень гордятся, во-первых, тем, что проститутки только японки, а во-вторых, что женщина и ее тело ценятся у них чрезвычайно дешево.

Посещение этого квартала, где на каждом шагу стоят зазывалы, а в окна и в открытые двери вы видите все, что творится внутри, на нас, русских, оказывает тошнотворное влияние.

Г е й ш и

Кроме проституток, в Японии существуют еще женщины, которых нет ни в одной стране, — это так называемые гейши с их чайными домиками.

Назвать гейшу проституткой никак нельзя. Прежде всего гейшу нельзя купить. Она имеет право отказаться от ласк посетителя, если он ей не нравится, и, наоборот, может проводить время с тем, кто ей понравился, не беря за это никаких денег.

Хозяйки этих домиков эксплуатируют доходы с буфетов, которые всюду имеются при этих домиках.

Гейши очень веселы, мило танцуют и довольно дико на наш слух поют. Посещение чайных домиков не считается предосудительным с точки

зрения обывательских нравов и супружеской верности мужей. Они являются своего рода клу-

Японки в домашней обстановке.

бами - кафэ, где самые разнообразные по своему положению люди проводят свободное время.

Рестораны

Пришлось мне посетить и японские рестораны. Когда вы входите в японский ресторан, то прежде всего вы снимаете ботинки так же, как у нас снимают галоши, и остаетесь в одних носках. В самом ресторане очень чисто, лежат ковры. Столов и стульев нет. Еду вам подают и ставят (готовят ее при вас же) на табуретку, а садитесь вы, скрестив под собою ноги, прямо на пол.

Первый раз, посидев так три минуты, вы чувствуете, что ноги у вас затекли и по ним бегают мурашки, но потом постепенно привыкаете и вам кажется неудобным сидеть так, как сидят у нас.

Второе, что вас вначале очень смущает, это отсутствие вилок и ножей. Японцы едят все палочками, считая, что привкус металла, остающийся от ножа и вилки, портит вкус пищи.

Ну, вот попробуйте скушать тарелку риса, — излюбленная пища японцев, которую они замечательно готовят, — если вы сидите на корточках и комично пробуете палочками уцепить рассыпающийся рис. К довершению и корочкой хлеба не поможешь себе, потому что хлеб японцы почти не едят и в ресторанах его не подают.

Пьют японцы особый вид водки, горькой, не очень крепкой, но противной. Эта водка подается в теплом виде; что, по-моему, делает ее особенно противной. Японцы напиваются этим напитком очень быстро. Кроме водки, дают еще замечательный зеленый чай, очень ароматичный и необычайно крепкий.

Подают в ресторанах преимущественно женщины, и в первом же ресторане со мной случилось такое происшествие.

Я пришел туда с целой компанией, среди которой были две гейши. Пожелав увековечить себя вместе с гейшами, японцами и друзьями в ресторане, где сидят на полу, я позвал фотографа и предложил подающим еду девушкам встать около стола. Прислужница недоверчиво посмотрела на гейш, и действительно моментально одна из гейш возмущенно вскочила, а другая вцепилась в волосы этой бедной девушки.

Мы их еле розняли. Гейши объяснили, что они считают ниже своего достоинства сниматься на одной карточке с прислужницами. Никакие уго-

воры не подействовали, и обиженные гейши ушли, не пообедав и не снявшись.

Могила самураев

В Японии же я посетил знаменитую могилу самураев.

Про эту могилу есть такой рассказ. Некогда один министр недостаточно почтительно обошелся со знатным самураем. Самурай—это не только богач, но и нечто вроде наших бывших дворян.

Самурай ответил дерзостью, и в результате он и его приверженцы, около сорока человек, были высланы из столицы. Прожив некоторое время в изгнании, самураи подали прошение о помиловании. Их простили и разрешили им вернуться в Токио.

Тут, воспользовавшись первым же удобным случаем, они напали на дом министра, избili стражу, и, поймав министра, предложили ему покончить с собой при помощи харакири. Харакири—это японский почетный способ самоубийства, по которому решившийся покончить с собой распарывает себе живот ножом.

Министру отнюдь не улыбалось отправиться на тот свет, и он отказался, надеясь спастись. Тогда самураи отрубили ему голову (это считается позорной смертью), и тут же все сорок человек сделали себе харакири, чтоб не навлекать гнева правительства на родственников заговорщиков.

Самураи были похоронены с большим почетом. Показывая эту могилу, японцы гордо отмечают, что этой смертью и своим поступком самурай

доказали, что никто, даже министр, ставленник императора, не может безнаказанно обидеть знатного самурая.

Здесь будет кстати отметить, что японцы, как и китайцы, как вообще монгольские народы, относятся с величайшим презрением к физической боли. Часто японец, делаящий себе харакири, продолжает сидеть с распоротым животом, вываливающимися кишками, истекая кровью, пока не потеряет сознания. До последней минуты он разговаривает с окружающими, как будто ни боль, ни приближающаяся смерть его совершенно не касаются.

Опять-таки очевидцы расправы с революционерами-китайцами говорят, что лишь в этих странах возможны случаи, чтоб преступнику отрубили руки, ноги, а он, не издав ни одного крика и стога, продолжал перед тем, как ему отрубят голову, произносить слова, восхваляющие его убеждения.

НА ОБРАТНОМ ПУТИ В МОСКВУ

Наводнение во Владивостоке

Пробыв около недели в Японии, я поехал во Владивосток, чтоб оттуда пробраться в Манчжурию, в Китай, последнее место моего путешествия. Не могу найти слов, чтоб описать радость, когда, сойдя с парохода, я услышал русскую речь.

Вы не можете себе представить, как радостно бывает, когда знаешь, что можешь разговаривать без переводчика.

СССР меня встретил грустной картиной. Я попал во Владивосток после наводнения, которое было на Дальнем Востоке.

Хотя производятся спешные работы, но следы разрушений, когда водяная стихия затопила громадные пространства, видны совершенно явственно. Мостовые перекарежены.

Из окна вагона вы видите рисовые поля, на которых вода стоит еще по колено, и крестьяне пахут землю, буквально, под водой. И пахарь, и лошадь видны только от пояса и выше; ноги в воде. Земля насыщена влагой, грязь стоит необыкновенная, и не мало слез падает в грязные лужи. Много горя, несчастья и убытков принесло это наводнение.

Пробыв пару дней во Владивостоке и взяв билеты на Москву, в сибирском скором поезде я поехал в Китай.

Приключение с паспортом

По дороге меня постигло первое несчастье. Прожив два с лишним месяца за границей, я совершенно забыл о паспортах. Дело в том, что везде, начиная с Германии, паспорт требуется только в полиции. В гостиницах при прописке ни паспорта, ни какого другого документа не требуется. Вы можете прописаться под своей или чужой фамилией. Заведующий записывает вас в книгу жильцов на основании вашего устного заявления.

Во Владивостоке, в гостинице, где я жил, у меня взяли паспорт для прописки, и я об этом совершенно забыл. И вот, подъезжая к китайской границе и мечтая о том, что через пару часов я увижу родину шелка и чая, я вспомнил, что еду без паспорта, на котером имеется китайская виза, полученная в Берлине. Как мне было ни горько, но я вынужден был на ближайшей же станции вылезти и, прождав довольно долго встречного поезда, ехать обратно за паспортом во Владивосток.

Нечего говорить о том, как я ругался в гостинице и как передо мной там извинялись,—но, увы!—было уже поздно.

Потратив время на проезд до границы и обратно, я упустил время, нужное мне даже для краткого пребывания в Китае, потому что билеты на Москву были взяты заблаговременно.

Пришлось расстаться с мыслью побывать в Китае и провести несколько дней во Владивостоке, ожидая того дня, на который были взяты билеты.

З а к л ю ч е н и е

Кончен длинный путь по Сибири. Я слышу кругом русскую речь, делюсь впечатлениями от заграничной поездки с моими случайными спутниками по вагону.

В Ярославле меня уже встречают представители Осоавиахима, выехавшие мне навстречу из Москвы. Быстро мелькают последние версты, и вот я уже в Москве, конечном пункте моей поездки.

Только теперь я начинаю отдыхать от быстрой смены новых впечатлений, от непрерывного напряжения: успеть туда-то, получить разрешение, не опоздать на поезд и пароход. Я отдыхаю от вынужденного молчания во время переговоров переводчиков с иностранцами.

Отдохнув, я начинаю понемногу собирать в своей памяти все то, что я видел, слышал и наблюдал. Вероятно, очень многого из того, что мне надо было увидеть, я не сумел разглядеть.

Конечно, если бы я готовился к этому путешествию уже задолго до поездки, то я мог бы заранее выяснить, что и где мне надо осмотреть. Но так как это неожиданное счастье свалилось на меня довольно быстро, то на многое я обращал внимание, так сказать, случайно, просто потому, что именно это подвертывалось мне под руку.

С другой стороны, если бы я объехал не такое количество стран, а потратил бы эти недели на пребывание в одной стране, то, может быть, мне удалось бы добиться разрешения и осмотреть так интересовавшие меня фабрики и заводы, познакомиться с рабочей жизнью и бытом, поговорить с отдельными представителями.

Полицейскими мерами и краткостью сроков я был, к сожалению, отгорожен от рабочих и фабрик. Это сказалось и на моей книжке. В ней я собрал лишь те беглые впечатления даже не о странах, а скорее о быте и уличной жизни немецкого, французского, американского и японского обывателя, которых мне пришлось наблюдать за время моего путешествия.

Кто никогда не был за границей, для того эти беглые очерки об уличной жизни могут представить интерес.

Кроме того, эта книга послужит предостережением всем тем товарищам, которые совершают экскурсии: им я от чистого сердца и по своему опыту советую не разбрасываться, как я, а сосредоточить все внимание на каком-либо одном месте, изучив его всесторонне. Лучше осмотреть немного, но основательно, чем объездить или обегать много местностей, ознакомившись с ними мельком и поверхностно.

СЛОВАРЬ МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ

Авторитетный — внушающий доверие, пользующийся уважением.

Анекдот — рассказ о каком-либо невероятном, смешном происшествии.

Аэродром — большая площадка, приспособленная для подъема и спуска самолетов и прочих летательных машин.

Газолин — один из продуктов перегонки нефти. Употребляется для освещения, для приведения в движение автомобилей и для других надобностей.

Кайзер — император.

Кают — отгороженное помещение (вроде комнаты) на пароходе с койками для лежания.

Квалифицированный — достаточно подготовленный, хорошо знающий свое дело.

Колоссальный — огромный, больших размеров.

Консул — представитель посольства (полпредства) иностранного государства в каком-либо городе.

Конкуренция — соперничество.

Кризис жилищный — острый недостаток в жилых помещениях.

Купэ — отделение в железнодорожном вагоне.

Курорт — лечебное место для приезжающих больных: морские купанья, целебные источники и т. д.

Ломбард — ссудная касса, выдающая деньги под заклад разных вещей, носильного платья и т. п.

Милитаризм — стремление капиталистических государств к увеличению своих военных сил для захвата новых земель, для подавления восстаний в колониях.

Патент на изобретение — свидетельство, подтверждающее право собственности изобретателя на сделанное им изобретение.

Перрон — площадка на станции и вокзале, к которой подходят поезда для посадки пассажиров.

Провокация — подстрекательство, вызов на какие-нибудь поступки с целью предательства.

Прожектор — сильный электрический фонарь с особым приспособлением (зеркала), отбрасывающим свет на большое расстояние.

Резерв — запас.

Сигнализация — условные знаки, которыми пользуются на железных дорогах (например, красный и зеленый фонарь или флаг), на море, в местах хранения ценностей и денег (например, звонки в банках для вызова милиции при нападении бандитов) и т. д.

Сквер — площадка на городской площади, засаженная деревьями, травой и цветами.

Универсальный магазин (универмаг) — магазин, где продаются самые разнообразные товары (продукты питания, одежда, обувь, посуда и т. д.).

Эмигрант — выехавший на жительство за границу.

Эпидемия — повальная болезнь.

Экспресс — курьерский, скорый поезд.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ“

МОСКВА, ЦЕНТР, СРЕТЕНКА, 8. Тел. 2-94-56.

ПО БЕЛУ СВЕТУ

СЕРИЯ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ
И ЗАНИМАТЕЛЬНО ИЗЛОЖЕННЫХ
ПОПУЛЯРНЫХ СОЦИОГРАФИЧЕСКИХ
ОЧЕРКОВ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

Пальмбах и Саль, М. В стране великих рек.
Рассказы из жизни современного Индокитая
(с 7 рис. в тексте).

55 стр. 25 коп.

Тиллинг, Н. Страна тысячи озер (Финляндия)
(с карт. и 9 рис.).

54 стр. 25 коп.

Лебедев, Д. А. Ирландские огни.

40 стр. 20 коп.

Каринцев, Н. А. В песках пустыни. (Путешествие Свен Геддина).

70 стр. 25 коп.

Каринцев, Н. А. В сердце Африки.

63 стр. 25 коп.

Гринат, А. По Волге.

30 коп.

Каринцев, Н. А. Вокруг света в первый раз.

30 коп.

32718

Цена 50 коп.

Р

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДОЛОЙ НЕГРАМНОСТЮ“

Торговый отдел: Москва, Сретенка, 8. Телефон 2-94-56

М А Г А З И Н Ы:

«Долой Неграмотность»,
Кузнецкий пер., 4. Телеф. 1-87-32

«Красная Новь», Сретенка
Телефов 5-06-31

ОТДЕЛЕНИЯ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА:

Ленинград, ул. Плеханова, 8. Харьков, ул. Свободной Академии.
Ростов н/Дону, Акционерное Общество «Международная Книг
ул. Энгельса, 101. Свердловск, УралОДН, наб. Труда, 2. Сарато
Саргубпросторг, Никольская, 16. Иваново-Вознесенск, Издате
ство «Основа», улица Красной Армии, 4. Витебск, Пушкинская,

40/

2146